

COUP D'ETAT EN FINLANDE
Recueil sous la rédaction de V. Tchertkoff.

ФИНЛЯНДСКІЙ РАЗГРОМЪ

Сборникъ

Подъ редакціей В. ЧЕРТКОВА.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Издание „Свободного Слова“.

№ 33.

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.

1900.

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Изъ статьи, помещенной въ англійскомъ журнale „Nineteenth Century“
въ маѣ 1899 г.)

Въ августѣ 1898 г. былъ обнародованъ реескрипты царя о мирѣ; въ октябрѣ того-же года русское правительство освѣдомило финскій сенатъ о царскомъ предложеніи относительно нового военнаго законопроекта, согласно которому, между прочимъ, количество военныхъ силъ Великаго Княжества Финляндскаго должно быть увеличено съ 5.600 человѣкъ до 35.000 человѣкъ. 15-го февраля текущаго года обнародованъ указъ, главной цѣлью которого является уничтоженіе конституції Финляндіи,—конституціи, основанной на древнихъ, освященныхъ временемъ скандинавскихъ традиціяхъ, и которую торжественно клялись поддерживать поочередно всѣ русскіе властители Финляндіи, не исключая и теперешняго царя. Эти события, по мнѣнію многихъ, имѣющія лишь мѣстное значеніе, несомнѣнно заслуживаютъ быть занесенными на страницы исторіи. Они знаменуютъ торжество автократическихъ принциповъ Востока надъ конституціонными началами Запада и, хотя бы уже по одному этому, они должны привлечь на себя вниманіе публики.

I.

„Страна тысячи озеръ“, какъ поэтически называютъ Финляндію, появляется на сценѣ міровой исторіи, по сравненію съ другими націями, довольно поздно.

Скандинавскіе народы, согласно археологическимъ даннымъ, поселились на южныхъ и юго-западныхъ берегахъ Финляндіи и близъ лежащихъ островахъ приблизительно за 1000 лѣтъ до начала христіанской эры. Нѣсколько познѣе Финляндія начинаетъ заселяться финскими племенами, а вслѣдъ за ними — лапландскими.

Начало шведскаго вліянія относится къ XII столѣтію, когда король Эрикъ Евардсонъ предпринялъ (въ 1156 или 1157 гг.) крестовый походъ на Финляндію. Послѣ недолгаго, хотя упорного, сопротивленія, финны подчинились и приняли христіанство.

По договору 1323 г. восточная часть Финляндія была присоединена къ Швеціи. Съ этого времени судьбы Финляндіи были тѣсно связаны съ этой страной. Съ теченiemъ времени Финляндія стала нераздѣльной частью королевства шведскаго и получила права на участіе въ законодательствѣ страны. Представители Финляндіи заѣдали въ „Riksdag“-ѣ, и уже въ 1362 г. Финляндія получила право принимать участіе въ избраніи шведскихъ королей. Образованіе, всегда занимавшее почетное мѣсто въ скандинавскихъ странахъ, не было заброшено и въ Финляндіи. Въ ней было основано нѣсколько школъ, построены церкви и монастыри, и, пока въ Швеціи не былъ открытъ университетъ, многіе молодые финляндцы были посланы для обученія въ заграничные университеты. На финскомъ языкѣ появились переводы различныхъ книгъ, въ большинствѣ случаевъ религіознаго характера. Такъ, Новый Завѣтъ появился въ финскомъ переводе въ 1548 г., а вся Біблія въ 1642. Наконецъ, въ 1640 г. въ Або былъ открытъ университетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенство было облечено извѣстною властью для распространенія элементарнаго образованія, такъ какъ никакое лицо, не обладавшее знаніемъ начатковъ религіи и не умѣвшее болѣе или менѣе бѣгло читать, не допускалось до причастія. Благодаря этому, еще задолго до появленія въ Финляндіи цѣлой сѣти школъ, громадное большинство населенія уже обладало извѣстной степенью грамотности.

Взаимнѣ за благодѣянія культуры, полученные, благодаря союзу съ Швеціей, Финляндія приходилось дѣлить съ ней и государственную тяготу. Финляндія, благодаря своему географическому положенію, должна была принимать на себя первые удары всякой разз, когда, какъ это часто бывало, Россія нападала на свою сосѣdkу, и очень часто всѣ военные дѣйствія происходили лишь на финляндской территории.

Но, принимая, такимъ образомъ, участіе въ скорбяхъ и радостяхъ Швеціи, Финляндія въ то-же самое время выработала собственную индивидуальность. Пространство, отѣблившее ее отъ Швеціи, а еще болѣе — расовый отличія явились причиной извѣстнаго расхожденія и помогли Финляндіи пріобрѣсть ея собственный національный характеръ. Необходимо помнить, что, какъ въ древности, такъ даже и до настоящаго времени, въ Финляндіи существуютъ двѣ національности. Когда Финлян-

дія сдѣлалась частью государственного организма Швеціи, шведы, конечно, явились въ ней правящимъ классомъ. Шведскій языкъ быль языккомъ науки и администраціи, и финны, желающіе выдѣлиться изъ общей массы народа, должны были областать знаніемъ этого языка, благодаря чему онъ быль въ Финляндіи еще до недавняго времеви языккомъ высшей культуры. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе браковъ между представителями обѣихъ національностей, культурные классы перестали носить на себѣ признакъ одной національности. Въ низшихъ классахъ происходило то же самое, и дѣятельный, предпріимчивый скандинавскій умъ слился съ созерцательностью и положительностью, свойственными финнамъ.

Въ 1581 г. Іоаннъ III, какъ бы официально признавая индивидуальную особенность Финляндіи, далъ ей титулъ „Великаго Княжества“, а Густавъ Адольфъ въ 1616 г. даже созвалъ отдельный финский „Landtag“.

Благодаря всѣмъ вышеупомянутымъ обстоятельствамъ, въ финляндцахъ пробудилось сильное чувство національного самосознанія.

II.

Ростъ національного самосознанія среди финляндцевъ не остался незамѣченнымъ со стороны Россіи. Мысль о завоеваніи Финляндіи всегда занимала умы русскихъ правителей, особенно со временіи перенесенія Петромъ Великимъ столицы изъ Москвы на берега Невы. Но упорное сопротивленіе, которое Россія постоянно встрѣчала въ Финляндіи, навело русскую императрицу Елизавету на новую мысль. Въ 1742 г., во время одной изъ многочисленныхъ войнъ Россіи со Швеціей, Елизавета обнародовала манифестъ къ финскому народу, въ которомъ предлагала создать независимое финляндское государство, подъ протекторатомъ Россіи, долженствовавшее служить барьеромъ между Россіей и Швеціей. Императрица рѣшила, что, въ случаѣ непризнанія ея предложенія, она „съ прискорбіемъ“ должна будетъ позволить своимъ войскамъ опустошать Финляндію.

Хотя этотъ манифестъ не произвелъ въ свое время особенного впечатлѣнія на финляндцевъ, тѣмъ не менѣе онъ повель къ образованію въ Финляндіи небольшой политической группы,

поддерживавшей идею, выраженную въ манифестѣ Елизаветы. Груна эта, когда въ 1787 г. началась новая война между Швеціей и Россіей, вступила въ переговоры съ русскимъ правительствомъ. Но эта конспирація, вызванная, въ сущности, патріотическимъ желаніемъ избавить Финляндію отъ тяжелыхъ послѣдствій войны, которая велись на ея территорії, не имѣла никакой поддержки со стороны населенія и была вскорѣ подавлена.

Всльдъ за этимъ Финляндія въ теченіе 18 лѣтъ наслаждалась полнымъ миромъ, вплоть до новой войны, вызванной Наполеономъ, который во время Тильзитскаго свиданія успѣлъ убѣдить Александра I понудить своего зятя, шведскаго короля Густава IV-го, присоединиться къ „континентальной системѣ“, причемъ Александръ I, въ награду за это, получалъ Финляндію. Въ выполненіи этой задачи Александра I поддерживалъ главный участникъ конспираціи, о которой мы говорили выше, генераль Спренгпортенъ, находившійся въ это время на русской службѣ. Спренгпортенъ увѣръялъ Александра, что русское нашествіе на Финляндію будетъ, въ сущности, чѣмъ-то въ родѣ „прогулки“, такъ какъ финляндцы сами будутъ рады сдаться. Но дѣло оказалось далеко не такимъ простымъ, и Александру пришлось разочароваться. Онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Финляндіи, хотя Швеція въ это время почти не оказывала ей никакой поддержки. Кажется, что слабоумный Густавъ IV раньше рѣшилъ отказаться отъ Финляндіи. Уже въ 1807 г. шведскій государственный дѣятель Нильсъ фонъ Розенштейнъ сказалъ одному изъ высокопоставленныхъ финляндцевъ, барону Роберту Ребиндера: „напѣ король имѣть свои собственные принципы, онъ никогда не откажется отъ нихъ, и то, что было предсказано 50 лѣтъ тому назадъ, должно теперь совершиться — ваша родина должна подчиниться господству Россіи“.

Сопротивленіе, оказанное финляндцами, и ихъ лояльность по отношению къ Швеціи не могли не оказать сильного впечатлѣнія на русскаго цара, и онъ издалъ манифестъ, въ которомъ, упомянувъ объ успѣхахъ русскаго оружія и о незначительныхъ средствахъ обороны, которыми располагаетъ Финляндія, онъ просилъ финновъ выслать къ нему для дальнѣйшихъ переговоровъ депутацию отъ четырехъ сословій, составлявшихъ шведскій „Riksdag“. Нѣкоторые избирательные округи Финляндіи отка-

зались выслать своихъ представителей, другіе же выслали, но съ оговоркой, что эти представители не имѣютъ легального права вступать въ договоръ съ царемъ. Но, наконецъ, вслѣдствіе нового манифеста царя, а также вслѣдствіе полнаго отсутствія помощи со стороны Швеціи, были выбраны легальные депутаты, которые и отправились въ Петербургъ.

Глава депутаціи, баронъ Карль Эринъ Маннергеймъ, вручилъ въ Петербургѣ Александру I докладную записку, въ которой было указано, что явившіеся депутаты, согласно основнымъ законамъ, не имѣютъ права вступать въ переговоры и что, вслѣдствіе этого, они просятъ императора о созывѣ сейма. 20-го января 1809 года Александромъ I-ымъ былъ изданъ указъ о созывѣ финляндскаго сейма, который долженъ былъ собраться „согласно законамъ страны“.

25 марта 1809 г. произошло открытие сейма въ Борго, при чемъ Александръ I возсѣлъ „на тронъ Финляндіи“ и произнесъ рѣчь, изъ которой мы приводимъ слѣдующую выдержку :

„Я желалъ видѣть васъ, чтобы дать вамъ еще разъ доказательство того, что мои стремленія направлены ко благу родной вамъ страны. Я обѣщаю поддерживать вашу конституцію и ваши основные законы; ручательствомъ истинности моихъ обѣщаній служить настоящее ваше собраніе. Это собраніе сословныхъ представителей будетъ отправнымъ пунктомъ вашего политического существованія“.

Приводимъ также „Довѣрительный актъ“ императора, опубликованный 15 марта :

„Мы, Александръ Первый, и пр. и пр. сообщаемъ во всеобщее свѣдѣніе :

„Вступивъ по волѣ Пророчества въ обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, мы за благо сочли *утвердить и санкционировать религию и конституцію* края, а равнымъ образомъ права и привилегіи, которыми до сихъ поръ пользовались, согласно конституціи, какъ каждое сословіе сказанного Великаго Княжества вообще, такъ и въ отдѣльности все населеніе его — высшихъ и низшихъ сословій. Настоящимъ актомъ мы обѣщаемъ поддерживать и хранить крѣпко и нерушимо всѣ эти привилегіи и статуты въ полной ихъ силѣ, въ удостовѣреніе чего мы и приложили нашу руку къ настоящему довѣрительному акту, данному 15 марта 1809 года въ г. Борго“.

28 мая сословія принесли присягу на вѣрность, и Александръ I. обратился къ представителямъ сословій съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ :

„Я принимаю съ глубокимъ чувствомъ клятву вѣрности, принесенную мнѣ населеніемъ Финляндіи въ лицѣ ея представителей. Узы, соединяющія меня съ ней, еще болѣе укрѣшились, благодаря этому добровольному доказательству ея привязанности; освященный этимъ торжественнымъ актомъ союза, онъ сдѣлалась болѣе близкими моему сердцу и болѣе соотвѣтственными моимъ принципамъ.

„Обѣщаніемъ поддерживать религію и основные законы страны я хотѣлъ показать значеніе, которое я придаю искреннимъ выраженіямъ любви и довѣрія. Молю Всемогущаго Бога, чтобы онъ даровалъ мнѣ силу и мудрость управлять этимъ достойнымъ народомъ, согласно его законамъ и непоколебимымъ начальствомъ Вѣчной Справедливости“.

Вскорѣ послѣ этой торжественной церемоніи, происходившей въ стѣнахъ древнаго собора въ Борго, императоръ Александръ, уже въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи, издалъ новый манифестъ, въ которомъ говорилось о присягѣ, принесенной представителями сословій :

... „Созывая сословія Финляндіи присутствовать въ занятіяхъ сейма и принять ихъ присягу на вѣрность, мы желали при этомъ случаѣ, посредствомъ торжественного акта, приготовленного въ присутствіи представителей сословій и обнародованного въ святилищѣ Всевышшаго, подтвердить и обезпечить сохраненіе религіи страны и ея основныхъ законовъ, а равно привилегій и правъ, которыми, какъ каждое сословіе въ отдѣльности, такъ и все населеніе Финляндіи вообще, до сего времени пользовались“.

Таковы главные документы, освящающіе національную автономію Финляндіи подъ верховной властью русскихъ императоровъ. Такимъ образомъ, идея основанія независимаго финскаго государства была оставлена, но Александръ I, повинуясь влечениюмъ своего благороднаго и гуманнаго характера и благодаря своему политическому такту, нашелъ вполнѣ цѣлесообразнымъ создать изъ Финляндіи счастливую націю, искренно привязанную къ своимъ новымъ правителямъ.

Распустская парламентъ въ Борго, Александръ I сказалъ между прочимъ :

„Этотъ храбрый и вѣрноподданный народъ возблагодарить пути Прорицанія, приведшіе его къ настоящему положенію дѣль. Поставленный, съ настоящаго времени, въ первыя ряды націй, управляемый согласно своимъ законамъ, онъ будетъ вспоминать о своихъ прежнихъ правителяхъ развѣ лишь съ цѣлью укрѣпить дружескія отношенія, когда они, благодаря миру, будуть возстановлены“.

Императоръ, конечно, вполнѣ ясно сознавалъ, что, являясь въ Россіи самодержцемъ, въ Финляндіи онъ обладалъ лишь правами конституціоннаго монарха. Значеніе основныхъ законъ страны, ограничивающихъ власть правителя, было еще разъ указано императору, прежде чѣмъ онъ подписалъ „Довѣрительный актъ“, и въ обнародованныхъ затѣмъ при Александрѣ I государственныхъ актахъ онъ явственно упоминаетъ о „конституції“. Приведемъ для примѣра цитату изъ императорскаго указа 15 марта 1810 г.:

„Съ того момента, какъ судьбы Финляндіи, по волѣ Прорицанія, были вручены намъ, наимѣнь стремленіемъ было управлять этой страной, согласно съ привилегіями и правами, гарантированными ей ея конституціей... Все, чтѣ бы мы ни предпринимали съ настоящаго времени по отношенію внутренней администраціи страны, будетъ являться слѣдствіемъ или дополненіемъ этой основной идеи. Поддержаніе религіи и законовъ, созыѣ сословій на сеймъ, учрежденіе государственного совѣта изъ среды націи и неприкословенность судебнай и администраціонной власти представляютъ достаточныхъ доказательства признанія политическаго существованія финской націи и правъ, отсюда вытекающихъ.“.

Очевидно также, что императоръ считалъ такое отношеніе къ Финляндіи обязательнымъ не только для себя, но и для своихъ наслѣдниковъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ указа, вышедшаго въ 1816 году, въ которомъ, между прочимъ, говорится :

„Настоящимъ мы желали какъ, съ одной стороны, выяснить принципы, которыми мы будемъ руководиться по отношенію къ нашимъ финскимъ подданнымъ, такъ равно, съ другой стороны, подтвердить на всѣи данную нами гарантію, относительно сохраненія ихъ отдѣльной конституціи, какъ во время царствованія нашего, такъ и нашихъ наслѣдниковъ“.

III.

Не останавливалась, за недостаткомъ мѣста, подробно на политическихъ учрежденіяхъ Финляндіи, мы лишь вкратцѣ отмѣтили ихъ наиболѣе характерныя черты.

Главнымъ правительственнымъ органомъ является сенатъ, члены которого назначаются императоромъ изъ числа финляндскихъ подданныхъ. Сенатъ имѣть право издавать отъ имени императора административные циркуляры по вопросамъ меншей важности; сенату-же принадлежитъ право подвергать на рассмотрѣніе сейма мѣры, предлагаемыя императоромъ, и высказывать свое мнѣніе относительно законопроектовъ, одобренныхъ сеймомъ. Сенатъ имѣть двухъ вице-президентовъ. Президентомъ сената является генераль-губернаторъ, русскій по происхожденію, который въ то же время и главнокомандующій финляндской арміей.

Всѣ вопросы, требующіе утвержденія императора, представляются ему черезъ посредство особаго министра-секретаря Финляндіи, финляндскаго подданного и имѣющаго резиденцію въ Петербургѣ.

Финляндскій сеймъ, согласно старымъ шведскимъ традиціямъ, состоить изъ представителей четырехъ сословій — дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянства. Для сейма ведутся, такимъ образомъ, въ четырехъ палатахъ, при чемъ представители каждого сословія обладаютъ равной властью и авторитетомъ. Для того, чтобы какой-либо законопроектъ прошелъ, онъ долженъ получить одобрение трехъ палатъ, за исключеніемъ случая измѣненія основныхъ законовъ, когда необходимо согласіе всѣхъ четырехъ палатъ сейма. Право созванія сейма, согласно шведской конституції во время уступки Финляндіи Россіи, зависитъ исключительно отъ воли государя, и Александръ I созывалъ сеймъ лишь однажды въ Борго въ 1809 г. Его наследникъ, Николай I, совсѣмъ не созывалъ сейма, но, тѣмъ не менѣе, добросовѣстно поддерживалъ автономію страны и съ почтеніемъ относился къ учрежденіямъ, хранить которыхъ онъ поклялся.

Со вступленіемъ на престоль въ 1855 года Александра II начинается новая эра финляндской исторіи. Этотъ монархъ созвалъ въ 1863 г. сословный сеймъ, который былъ открытъ

имъ лично. Упомянувъ въ своей рѣчи о „поддержаніи принциповъ конституціонной монархіи, столь согласныхъ съ древними обычаями финскаго народа, всѣ законы и учрежденія котораго носятъ отпечатокъ этихъ принциповъ“, императоръ заявилъ о своемъ намѣреніи даровать сейму права болѣе обширныя, по сравненію съ тѣми, которыми послѣдній обладалъ до сихъ порь. Обѣщаніе это было выполнено изданіемъ „Закона о сеймѣ“, который былъ обнародованъ въ качествѣ основнаго закона въ 1869 г. и главной основной чертой котораго является то, что созывъ сейма не зависить отъ доброй воли монарха, а долженъ происходить періодически, такъ чтобы сословія собирались по крайней мѣрѣ 1 разъ въ 5 лѣтъ. Съ 1882 г. сеймъ фактически собирается каждые три года. Компетенція сейма была еще болѣе расширена Александромъ III, даровавшимъ ему права законодательной инициативы. Прежде сеймъ могъ обсуждать лишь законопроекты, предложенные правительствомъ, хотя, впрочемъ, каждый членъ сейма обладалъ правомъ подавать петиціи, которая сеймъ рекомендовалъ правительству, какъ основаніе для дальнѣйшихъ предложеній.

Первый толчекъ развитію національного самосознанія, о которомъ мы говорили выше, былъ въ сущности дайть еще самимъ императоромъ Александромъ I, точнѣе — его фразой о томъ, что Финляндія является страной „*placé désormais au rang des nations*“. И, дѣйствительно, финляндцы, сохранивъ дружественныя чувства къ своимъ бывшимъ соотечественникамъ шведамъ, поняли, что они должны сконцентрировать свои усилия на развитіи ресурсовъ собственной страны. „Мы болѣе не шведы“, — сказалъ одинъ молодой финляндскій политикъ въ началѣ текущаго столѣтія, — „русскими мы не можемъ быть, слѣдовательно, мы должны быть финляндцами“.

Значительно также способствовали развитію національного самосознанія патріотическія произведенія поэта Рунеберга и быстрый ростъ національной финской литературы, выразившейся въ размноженіи финской прессы и офиціального признанія финскаго языка равноправнымъ со шведскимъ. Въ срединѣ настоящаго столѣтія финскій языкъ, на которомъ собственно говорили лишь низшіе классы, пріобрѣлъ себѣ защитниковъ и сторонниковъ среди образованныхъ классовъ. Этому, въ особенности, способствовало опубликованіе Калевала, вызвавшей

удивленіе всего ученаго міра. Съ этихъ поръ открываются гимназіи, въ которыхъ преподаваніе происходитъ на финскомъ языкѣ; ихъ теперь столько, сколько и тѣхъ гимназій, где преподаваніе совершается по-шведски. Является периодическая пресса (теперь издается около 120 газетъ на финскомъ языкѣ), много лекцій въ университетѣ читается по-фински, — однимъ словомъ, финскій языкъ принимаетъ то же значеніе, что и шведскій. Въ движениі этомъ, надо имѣть въ виду, участвовали не одни финны, но — что очень важно — весьма влиятельные, образованные люди шведского происхожденія. Правда, это уравненіе не обошлось безъ нѣкоторой борьбы, поведѣвшей даже къ образованію двухъ политическихъ партій: финномановъ и шведомановъ, но, тѣмъ не менѣе, борьба этихъ партій носила чисто культурный характеръ и послужила лишь на благо страны, побуждая къ благородному соревнованію на полѣ народнаго образованія, при чемъ правительственный мѣропріятія въ области народнаго образованія никогда не были диктуемы партійной борьбой и отличались строго безпредвзятнымъ характеромъ.

Движеніе въ пользу народнаго образованія можетъ служить прекраснымъ образчикомъ господствующаго въ Финляндіи духа, а также того демократического направленія, которое привело къ такимъ прекраснымъ результатамъ. Теперь вы не найдете въ Финляндіи прихода, въ которомъ бы не было одной или болѣе школъ, и хотя обязательное образованіе не введено, въ силу нѣкоторыхъ географическихъ условій страны, но тѣмъ не менѣе всякая сельская община обязана имѣть школу.

Приведенные нами факты могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, какія тѣсныя узы связываютъ высшіе классы финляндскаго общества съ такъ называемыми низшими классами. Эти же факты вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить нагляднымъ опроверженіемъ обвиненій, часто появляющихся въ русской реакціонной прессѣ и заключающихся въ томъ, что автономное положеніе Финляндіи поддерживается якобы лишь кликой сепаратистовъ, „шведскихъ бароновъ“. Несомнѣнно, что шведская часть населенія Финляндіи, представляя изъ себя высшую интеллигентію страны, сражается въ первыхъ рядахъ, отражая нападенія русскаго правительства; справедливо также и то, что шведская пресса въ Финляндіи говоритъ болѣе смѣльнь.

языкомъ, чѣмъ финская, но это можно объяснить болѣйшей степенью отважности, свойственной шведамъ, какъ и вообще всѣмъ скандинавскимъ народамъ. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что финны согласны безропотно подчиняться ярму русификаціи, такъ какъ всѣ финны, кончая послѣднимъ крестьяниномъ, совмѣстно съ своими шведскими братьями, чрезвычайно высоко цѣнятъ связывающія ихъ узы гражданства, ихъ родную обѣмъ націямъ страну и конституціонные права, которая равно принадлежать всѣмъ классамъ общества, „какъ высшимъ, такъ и низшимъ“. Сравненіе, часто проводимое въ тѣхъ же реакціонныхъ органахъ, между прибалтийскими провинціями и Финляндіей, также лишено всякаго основанія. Въ Финляндіи совершенно отсутствуютъ тѣ феодальные условія, которая господствуютъ въ вышеназванныхъ провинціяхъ, такъ какъ Финляндія, подобно Швеціи и Норвегіи, можетъ похвалиться свободнымъ, независимымъ и интеллигентнымъ классомъ крестьянъ-собственниковъ, обрабатывающихъ собственную землю. Финляндская статистика показываетъ, что въ то время какъ дворянство владѣеть 406.246 гектарами поземельной собственности, а духовенство лишь 245.246 гектарами церковныхъ земель, — 21.653.871 гектаръ принадлежитъ остальному населенію, незначительное количество которого представляютъ фермеры — дворные, а громадное большинство — крестьяне. Въ Финляндії нѣть крупныхъ богачей, но за то тамъ неизвѣстна и волниющая нищета. Народонаселеніе трудолюбиво и поощряется въ своемъ трудолюбіи правительствомъ; торговля, промыслы и земледѣліе дѣлаютъ Финляндію процвѣтающей страной, насколько, конечно, это позволяетъ суровый климатъ и безплодная почва. Но мы, финляндцы, по горькому опыту, знаемъ, что самый многообѣщающій урожай можетъ погибнуть, благодаря одной морозной ночи.

IV.

Около пятнадцати лѣтъ тому назадъ реакціонная партія въ Россіи начала, при помощи цѣлаго ряда газетныхъ и журнальныхъ статей, брошюръ и книгъ, ожесточенную атаку противъ автономіи и привилегій Финляндіи. Трудно сказать, какими именно мотивами руководились враги свободы Финляндіи, а всякаго рода предположенія мы считаемъ излишними въ настоящей

статьѣ, посвященной изложению дѣйствительныхъ фактovъ. Какъ бы то ни было, эта партія начала отрицать существованіе конституціонныхъ правъ въ Финляндіи и подстрекать русское правительство — уничтожить финляндскія привилегіи. Нѣкоторыя мѣры въ этомъ направленіи были уже предприняты въ царствованіе Александра III, но онѣ не коснулись существенныхъ частей финляндскихъ учрежденій, и лишь зима текущаго года привнесла съ собой холодное дыханіе, грозящее уничтожить благополучіе страны.

Первымъ ударомъ, обрушившимся на страну, было царское предложеніе о новомъ военномъ законѣ, которое было предложено на обсужденіе сословій, созванныхъ въ январѣ текущаго года на экстраординарный сеймъ. Предложеніе о созывѣ сейма было сдѣлано въ іюлѣ 1898 г., т. е. прежде чѣмъ царскій манифестъ о мирѣ сдѣлся известнымъ. Въ октябрѣ предложеніе было послано въ сенатъ и вскорѣ послѣ этого сдѣгалось известнымъ въ общихъ чертахъ публикѣ.

Согласно военному закону 1878 г., воинская повинность была введена въ краѣ съ цѣлью образованія финляндской арміи, предназначеннай для защиты страны и единствующей находиться подъ командой финляндскихъ офицеровъ, съ своимъ собственнымъ штабомъ и подчиняющейся въ послѣдней инстанціи генераль-губернатору, который, „командуя русскими войсками,ющими быть расположеными въ Финляндіи, является главнокомандующимъ финляндской арміей“. Количество постоянного войска ограничивается 5.600 чел. Чтобы пополнить это число, 1920 чел. назначается изъ общаго количества 8.000 чел. призываемыхъ молодыхъ людей, годныхъ къ отбытию воинской повинности. Назначеніе происходитъ посредствомъ баллотировки, вслѣдъ за которой попавшіе въ число 1920 душъ немедленно приступаютъ къ отбыванію воинской повинности и служатъ на дѣйствительной службѣ три года, по истечениіи которыхъ они перечисляются на два года въ резервъ, а вслѣдъ за тѣмъ, до достижениія сорокаѣтнаго возраста, числится въ милиціи. Остальные (изъ общаго числа 8.000 всѣхъ призываемыхъ) зачисляются на пять лѣтъ въ резервъ и въ теченіе трехъ лѣтъ подвергаются военному обученію, срокъ котораго не превышаетъ въ общей сложности девяноста дней.

Въ проектѣ новаго военнаго закона предлагается, чтобы не

мене 7.200 чл. (изъ общаго числа 8.000 чл.) подвергались отбытию въ теченіе пяти лѣтъ дѣйствительной военной службы, вслѣдъ за тѣмъ они должны будуть въ теченіе тринадцати лѣтъ числиться въ резервѣ и, наконецъ, попрежнему, до сорока лѣтъ-яго возраста въ милиції. Тѣмъ не мене, армія въ самой Финляндіи не будетъ увеличена, такъ какъ 5.280 чл. (изъ 7.200) поступающихъ, согласно новому закону, къ отбытию дѣйствительной службы, будутъ посыпаемы за границы своей родной страны, въ Россію, на 5 лѣтъ. Въ общей сложности (1920 чл. извѣстной финляндской арміи и 5280 чл., посыпаемыхъ въ Россію) количество арміи*) должно быть исчислено въ 36.000 человѣкъ. Это громадное увеличеніе финляндской арміи, конечно, потребуетъ соотвѣтственнаго увеличенія расходовъ и въ то же время непосредственно лишить страну громаднаго количества рабочихъ рукъ, такъ необходимыхъ въ странѣ, где земля приноситъ плоды лишь послѣ затраты тяжкаго труда на ея обработку. Кроме того, новый законъ побудить молодыхъ людей къ эмиграціи въ Америку, что не можетъ не отозваться на экономическомъ положеніи страны.

Далѣе, — въ новомъ военномъ законѣ предлагается, чтобы русскіе офицеры съ настоящаго времени имѣли равное съ финляндцами право на службу въ рядахъ финляндской арміи, чтѣ противорѣчить основнымъ законамъ страны (См. § 10-й „Формы правительства“ 1772 г., § 1-й „Акта союза“ 1789 г., и § 120-й „Военного закона“ 1878 г., составляющаго одинъ изъ тѣхъ 14-ти параграфовъ этого закона, которые признаны въ качествѣ „основныхъ законовъ“). Финляндскій военный штабъ долженъ быть уничтоженъ, и армія фактически переходитъ въ завѣдываніе русскихъ военныхъ властей.

Когда содержаніе нового закона сдѣжалось извѣстнымъ въ Финляндіи, громадное большинство населенія еще не теряло надежды. Оно видѣло во всемъ этомъ лишь новую попытку со стороны русскаго правительства отмѣнить „финляндскія привилегіи“ и считало эту попытку результатомъ давно извѣстной по отношенію къ финляндской автономіи ненависти, питаемой такими людьми, какъ Побѣдоносцевъ, военный министръ Куропаткинъ и новый финляндскій генераль-губернаторъ генераль Боб-

*) За пятилѣтній періодъ дѣйствительной службы.

риковъ. Но населеніе вѣрило, что самъ царь, посыпая законо-проектъ на разсмотрѣніе сейма, лишь поддался давленію своихъ совѣтниковъ и отнесется съ уваженіемъ къ резолюціи сейма относительно этого законо проекта. Это довѣріе къ императору и великому князю имѣло двойное основаніе. Во-первыхъ, финляндскій народъ не могъ повѣрить, чтобы царь рѣшился на громадное увеличеніе арміи въ Финляндіи въ то самое время, когда имъ было изданъ манифестъ о мирѣ, въ которомъ онъ убѣждалъ другія державы приступить къ уменьшенію расходовъ на вооруженіе. Во-вторыхъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи законо проекта угрожали автономіи Финляндіи, вѣра финляндскаго народа въ царя была непоколебима, — вѣдь онъ клялся „поддерживать и признавать религию, основные законы и тѣ права и привилегіи, какъ каждого сословія великаго княжества въ отдѣльности, такъ и всѣхъ его обитателей, какъ высшихъ такъ и низшихъ классовъ вообще, которыми они пользовались, согласно конституції этой страны“.

Поэтому гораздо болѣе гнетущее впечатлѣніе было вызвано манифестомъ царя отъ 3 февраля, сущность котораго заключается въ слѣдующей выдержкѣ :

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила обѣ изданій мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общегосударственного законодательства“.

Всѣ подобные вопросы, о которыхъ упомянуто въ манифестѣ, будутъ вирѣдь, какъ это видно изъ документа, обнародованаго одновременно съ манифестомъ и озаглавленіаго : „Основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго“, разрѣшаться русскимъ государственнымъ совѣтомъ, послѣ сообщенія о нихъ финляндскимъ властямъ „съ цѣлью узнати ихъ мнѣніе“. Такимъ образомъ сеймъ, обладавшій до настоящаго времени действительной законодательной властью, теперь уполномочивается лишь высказывать свое мнѣніе, и его значеніе низведено до степени совѣщательного учрежденія.

Эти громадной важности документы были обнародованы съ нарушениемъ порядка, предписываемаго основными законами, гдѣ говорящими, что „король“ (т. е. послѣ 1809 г. „Императоръ“ и

Великій Князь) „не долженъ обнародовать новый законъ или отмѣнить прежній безъ вѣдома и согласія сейма“ и далѣе: „основные законы могутъ быть обнародованы, измѣнены, интерпретированы или отмѣнены лишь по предложению Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій“. Такимъ образомъ уже самое появление ихъ является нарушеніемъ конституціи, а введеніе ихъ отнимаетъ у финляндскаго народа права, обладаніе которыми было торжественно признано за нимъ. Вѣдь въ сущности говоря, мало найдется вопросовъ, которые не могли бы быть причислены къ вопросамъ, „касающимся общегосударственныхъ потребностей“ или „находящихся въ связи съ законодательствомъ имперіи“ (см. „Основные положенія о составленіи“ и т. д., § 2). Въ то же время эти вопросы могутъ представлять громадную важность для національной жизни Финляндіи и для характерной культуры этой страны, культуры, основанной на идеяхъ Залада, которой населеніе Финляндіи пользовалось въ теченіе многихъ столѣтій и которая всосалась въ плоть и кровь народа.

Тщетно Финляндскій народъ аппелировалъ къ своему властелину, котораго онъ привыкъ считать верховнымъ охранителемъ своихъ законныхъ правъ.

Финляндскій сенатъ, рѣшительно отказавшійся обнародовать новые акты, такъ какъ они были составлены вѣзаконнымъ путемъ, подать царю чрезъ статсъ-секретаря Финляндіи почтительный протестъ, въ которомъ просилъ поясненія, что манифестъ царя не имѣть въ виду ограниченія конституціонныхъ правъ финляндскаго народа. Царь отвѣтилъ на это, что протестъ не будетъ принятъ во вниманіе, и не будетъ сдѣлано никакихъ новыхъ поясненій. Вице-президентъ сената и генераль-прокуроръ, въ качествѣ высшихъ юридическихъ авторитетовъ Финляндіи, отправились отъ имени сената въ Петербургъ, но царь отказался принять ихъ. Та же участъ постигла представителей четырехъ палатъ сейма. Наконецъ, народъ, видя, что попытки его высшихъ чиновниковъ безуспѣшны, рѣшился послать въ Петербургъ грандиозную депутацію. Каждая община Финляндіи избрала одного представителя. Представители всѣхъ общинъ должны были вручить царю адресъ, покрытый 500.000 подпись, т. е. $\frac{1}{5}$ части всего населенія Финляндіи, или, точнѣе, $\frac{1}{2}$ всего взрослаго населенія страны. Въ газетахъ уже сообщено

о судьбѣ этой гигантской петиціі къ самодержцу и о томъ, какъ генераль-губернаторъ примѣнилъ къ депутатії статутъ 1826 г., по которому депутатії къ императору должны получить предварительное разрѣшеніе финляндскаго губернатора. Между тѣмъ, этотъ статутъ относится лишь къ мѣстнымъ депутатіямъ по поводу общинныхъ дѣлъ, но даже и въ немъ ясно сказано, что императоръ можетъ принять любую депутатію, разъ онъ признаетъ ее заслуживающей этого. Такъ что это обстоятельство не могло служить дѣйствительнымъ препятствиемъ для приема депутатії, но теперешній финляндскій генераль-губернаторъ, генералъ Бобриковъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы затруднить непосредственное общеніе финляндскаго народа съ его монархомъ. Этотъ чиновникъ, ранѣе принимавшій дѣятельное участіе въ русификації Прибалтийскихъ губерній, занялъ свой постъ лишь прошлой осенью, но, несмотря на такой короткій срокъ, онъ уже успѣлъ пріобрѣсть въ Финляндіи извѣстность, которой едва ли кто-либо позавидуетъ. Онъ, между прочимъ, пытался заставить финляндскій сенатъ издать циркуляръ ко всѣмъ губернаторамъ провинцій съ поясненіемъ, что манифестъ царя не содержитъ въ себѣ ничего нарушающаго конституціонныя права Финляндіи. Сенатъ, конечно, отказался сдѣлать это, и генераль-губернаторъ былъ принужденъ послать циркуляръ губернаторамъ отъ своего имени (напечатавъ его въ офиціальной финляндской газетѣ отъ 12 апрѣля); въ циркулярѣ этомъ онъ ограничился указаніемъ на то, что манифестъ никоимъ образомъ не нарушаетъ правъ финляндскаго народа, которыя признаны за нимъ „Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 25 октября 1894 г.“, сославшись такимъ образомъ на клятвенное обѣщаніе императора. Этому генераль-губернаторскому циркуляру, также уже опубликованному въ англійской прессѣ, въ Финляндіи не придаются никакого значенія, такъ какъ онъ не заключаетъ никакихъ поясненій и лишь повторяетъ выраженіе манифеста, значеніе котораго можетъ быть измѣнено лишь прямымъ заявленіемъ самого царя.

Циркуляръ генераль-губернатора предназначался для успокенія взволнованнаго населенія Финляндіи. Но подобная мѣра, конечно, не можетъ привести никакой пользы, и генераль-губернаторъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы онъ позаботился объ устраненіи нѣкоторыхъ гнусныхъ пріемовъ, практикуемыхъ теперь

въ различныхъ мѣстностяхъ Финляндіи. Такъ напр., когда собирались подписи для массового адреса царю, русскіе и татарскіе разносчики, появившіеся въ Финляндіи, убѣждали населеніе не подписываться подъ адресомъ, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, виновные рискуютъ понести жестокое наказаніе. Что эта угроза имѣла нѣкоторое основаніе, лучше всего убѣждаетъ тотъ фактъ, что генераль-губернаторъ дѣйствительно пытался черезъ русскихъ жандармовъ узнать имена лицъ, ведшихъ агитацию въ пользу адреса, съ цѣлью подвергнуть ихъ наказанію, какъ смутяновъ, нарушающихъ спокойствіе страны.

Конечно, всѣ эти махинаціи оказались совершенно безполезными. Тогда русскіе агенты изобрѣли новый способъ. „Разносчики“ обратили свое вниманіе на бѣднѣйшия классы населенія (тщательно избѣгая крестьянъ-землевладѣльцевъ) и стали рисовать предъ бѣдняками картины того благополучія, которое ихъ ожидаетъ, если будутъ введены „русскіе законы“, такъ какъ тогда, дескать, вся земельная собственность и другое имущество будутъ раздѣлены между всѣми поровну. Одновременно съ этимъ, они убѣждали народъ подписываться подъ какой-то бумагой, содержаніе которой они, впрочемъ, колебались читать, предлагая за подписаніе этой „неудобочитаемой“ бумаги деньги и не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы заставлять дѣтей подписывать подъ бумагой ихъ имена и имена ихъ родителей. Сенатъ разославъ циркуляръ ко всѣмъ провинціальнымъ губернаторамъ, въ которомъ предписывалъ имъ тщательно следить за подобными „разносчиками“, въ сущности даже не имѣющими законнаго права на разносную торговлю въ Финляндіи и для которыхъ торговля является лишь фальшивымъ предлогомъ. Нѣкоторые изъ этихъ разносчиковъ уже посажены въ тюрьму; другие тажко пострадали отъ рукъ тѣхъ, къ кому они обращались съ своими предложеніями. Но генераль-губернаторомъ до сихъ поръ не сдѣлано никакой попытки прекратить эти гнусныя продѣлки.

Одно изъ первыхъ послѣдствій манифеста касается занятій настоящаго сейма. Въ половинѣ апрѣля сейму было сообщено, что императоръ одобрилъ предложеніе военнаго министра, заключающееся въ томъ, что военный законопроектъ, находящійся на разсмотрѣніи сейма, долженъ быть признанъ „имѣющимъ общегосударственное значеніе“ и, согласно этому, долженъ быть кодифицированъ въ порядкѣ, указанномъ въ манифестѣ 15-го фев-

рала 1899 г., т. е. что финляндский сеймъ можетъ лишь выскакать свое мнѣніе о немъ.

Остается лишь положиться на благоразуміе и добрую волю царя, отъ котораго зависить согласиться съ мнѣніемъ финляндскаго сейма или съ совѣтами его русскихъ министровъ. Даже въ настоящее время довѣріе къ царю настолько сильно, что у финляндцевъ еще не исчезла надежда на то, что царь выберетъ первый изъ этихъ выходовъ; по общему мнѣнію, если бы царю было известно дѣйствительное положеніе дѣлъ, онъ бы возстановилъ конституціонныя права Финляндіи.

I. H. Рейтеръ.

ЦАРСКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Изъ статьи, помещенной въ англійскомъ журнале „Fortnightly Review“ въ маѣ 1899 г.)

Недавняя попытка царя лишить финляндцевъ ихъ освященныхъ временемъ правъ, которыя онъ, подобно своимъ предшественникамъ, торжественно клялся, при восшествіи на престолъ, хранить и защищать, вызвала бурю негодованія у всѣхъ друзей свободы въ Англіи и болѣзненно смущила тѣхъ наивныхъ энтузіастовъ, которые, увлекшись царскимъ манифестомъ о разоруженіи, ублажали себя мыслью, будто въ лицѣ самодержца всей Россіи они, наконецъ, обрѣли долго жданаго миротворца вселенной. Исторія финского соapr d'etat уже передана ежедневной прессой. Я — ни русофобъ, ни финноманъ. Тѣмъ не менѣе нельзя одобрить стремленія Россіи искоренить, во имя будто бы цивилизаціи, систему болѣе высокой политической культуры, до которой она сама еще не доросла, — какъ она это старается теперь сдѣлать въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ — этомъ скучно одаренному, но энергическому разсаднику Западныхъ идей и Западной культуры, который вполнѣ заслуженно пользуется репутацией самой интеллигентной и прогрессивной части обширной Имперіи, въ составъ которой онъ входитъ.

Въ теченіе болѣе двухъ столѣтій (съ 1587 г.) финляндцы пользовались политической свободой. За все долгое время своего дружественнаго союза со шведами они регулярно посыпали своихъ

представителей въ Шведскій Риксдагъ, или Имперскій Парламентъ; послѣ же занятія Финляндіи русскими войсками въ 1808 г. царь Александръ I оставилъ за финляндцами ихъ старую конституцію. Еще до того, какъ былъ заключенъ со шведами миръ, императорскимъ указомъ отъ 1-го февраля 1809 г. созванъ былъ въ Борго на утро 22-го марта Сеймъ, или Национальный Парламентъ, „согласно конституціи страны“, и 27-го марта въ Борго явился самъ царь и тутъ же подписалъ Гарантію правъ, обращенную ко всѣмъ жителямъ Финляндіи.

На слѣдующій день (28-го марта) была формально открыта первая сессія первого финского Сейма. Весь ходъ дѣлопроизводства въ Сеймѣ былъ точно скопированъ со Шведскаго Риксдага, и всѣ четыре сословія (дворянство, духовенство, горожане и крестьяне) принесли должную присягу на подданство Александру I-му, какъ своему законному Великому Князю. Затѣмъ былъ выслушанъ и утвержденъ всѣми сословіями вышеупомянутый Актъ, и такимъ образомъ политическое соединеніе Финляндіи съ Россіей получило окончательную санкцію сейма. Два года спустя (въ 1811 г.) великому княжеству были возвращены принадлежавшія ему нѣкогда юго-восточная части старой Финляндіи, уступленныя Россіи Швеціей въ 1721 г. и вторично въ 1743 г., и входившія до 1811 г. въ составъ другихъ русскихъ губерній, и онѣ съ тѣхъ поръ стали пользоваться всѣми конституціонными привилегіями прочаго Великаго Княжества. Этотъ актъ возвращенія, или воссоединенія, былъ самъ по себѣ краснорѣчивъ косвеннымъ приданіемъ за финляндцами права обладать Финляндіей и управлять ею по-своему.

Безъ сомнѣнія, многимъ мыслящимъ русскимъ этотъ опытъ прививки нѣжнаго отпрѣска чужеземнаго либерализма къ грубому стволу древняго самодержавія казался рискованнымъ. Даже многимъ изъ настѣ самихъ можетъ казаться на первый взглядъ, что абсолютизмъ и конституціонное правительство въ одной и той же странѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Но нужно помнить, что парламентарная система Финляндіи далеко не то, что представляютъ изъ себя парламентарные системы Западной Европы. Она основана, въ сущности, на конституціонномъ компромиссѣ, придуманномъ въ 1789 г. Густавомъ III шведскимъ, который сдѣлалъ тогда попытку сочетать строго монархический образъ правленія съ подчиненнымъ, но тѣмъ не менѣе свобод-

нымъ и независимымъ (въ извѣстныхъ, точно определенныхъ предѣлахъ) парламентомъ. Равнодѣйствующая силь повсюду замѣтно склонялась въ сторону монарха. Онъ былъ источникомъ почестей и правосудія, главнокомандующимъ войсками, единственнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами и главой исполнительной власти въ государствѣ. Сеймъ могъ собираться только тогда, когда онъ созывался Великимъ Княземъ, и послѣдній могъ распустить его, когда считалъ это нужнымъ. Занятія сейма ограничивались большою частью обсужденіемъ предложеній, которая Великий Князь считалъ нужнымъ подвергнуть его обсужденію, и въ его вѣдѣніе не входилъ ни разборъ общегосударственныхъ мѣропріятій, ни такъ называемаго экономического и административнаго законодательства. Но, съ другой стороны, безъ предварительного согласія сословій не могъ быть изданъ ни одинъ новый законъ, ни отмѣненъ старый, и основные статуты не могли подвергаться, безъ ихъ разрѣшенія, измѣненіямъ или поправкамъ. Кроме того, сейму принадлежало право участія въ выработкѣ всѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, включая сюда всѣ вопросы, относящіеся къ основнымъ законамъ, привилегіямъ сословій, гражданскому и уголовному, морскому и церковному праву. Сеймъ также имѣлъ голосъ въ законодательствѣ по вопросамъ о денежному обращеніи, по дѣламъ національнаго банка, по организаціи арміи и флота и т. п., хотя, какъ уже сказано было выше, іниціатива во всемъ этомъ оставалась за Великимъ Княземъ. Кроме того, хотя регулированіе таможенныхъ пошлинъ считалось исключительнымъ правомъ Короны, сословія удержали за собой право облагать себя налогами. Изъ этого уже можно видѣть, что финская конституція была вещь довольно таки невинная. Даже самый ярый самодержецъ не подвергался никакому риску, поднося такой подарокъ одной части своихъ подданныхъ. При достаточной честности со стороны правителя и лояльности со стороны подданныхъ, едва ли можно было опасаться столкновеній между государемъ и народомъ, или какого бы то ни было риска для монархіи отъ такой урѣзанной и разжигленной парламентской системы.

И русскіе самодержцы, дѣйствительно, не имѣли до сихъ поръ никакого основанія жалѣть о своемъ интересномъ политическомъ экспериментѣ. Девяностолѣтнее трудное испытаніе прак-

тикою, черезъ которое прошла финская конституція, было выдержано ею блестяще. Больше того,— система эта дѣйствовала до такой степени удовлетворительно, что сами цари почли справедливымъ дать ей дальнѣйшее развитіе въ конституціонномъ направлѣніи. Наиболѣе замѣчательный прогрессивный мѣроопріятія въ этомъ родѣ были предприняты Александромъ II изданіемъ 15 апрѣля 1869 г. „Landtags ordning“, или Парламентскаго Акта, которымъ былъ опредѣленъ періодическій регулярный созывъ сеймовъ, вместо прежняго произвольного, по усмотрѣнію Великаго Князя.

Такого же конституціонно-прогрессивнаго характера былъ актъ Александра III отъ 25 июня 1886 г., которымъ предоставлялось сословіямъ право инициативы въ большинствѣ вопросовъ, не имѣвшихъ характера основныхъ законовъ. Нечего прибавлять, что всѣ цари послѣ Александра I, включая нынѣ царствующаго, при восшествіи на престолъ, торжественно клялись соблюдать ненарушимо конституцію Финляндіи, какъ она изложена въ ея основныхъ законахъ.

Не удивительно, быть можетъ, что исключительное политическое положеніе Финляндіи породило непріязнь и подозрѣніе въ шовинистскихъ слояхъ русского общества, которые, какъ всѣмъ известно, постоянно были готовы жертвовать всѣмъ, чтò угодно, ради централизаціи. Уже вскорѣ послѣ смерти Александра II, который особенно хорошо относился къ Финляндіи и проявлялъ просвѣщенный и благосклонный интересъ къ ея конституціонному развитію, въ нѣкоторыхъ кругахъ русского общества и нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ была объявлена формальная война противъ финской автономіи; и финнамъ вскорѣ стало довольно ясно, что новый монархъ Александръ III подчиняется недоброжелательно настроеннымъ совѣтникамъ и не понимаетъ должнаго своего положенія, какъ конституціоннаго Великаго Князя Финляндіи. Несмотря на протесты сейма, онъ не разъ поступалъ вопреки прямому указанию буквы конституціи, которую онъ въ свое время поклялся защищать, то пріостанавливая дѣйствіе уже утвержденныхъ законовъ, то подчиняя независимыя вѣтви мѣстнаго управления русской центральной администраціи безъ предварительного согласія всѣхъ четырехъ сословій. Тѣмъ не менѣе это были все лишь изолированные случаи беззаконія, не нарушавшіе нормального теченія жизни страны, вслѣдствіе чего,

повидимому, имъ и не придавалось въ то время особенного значения. Я говорю: „въ то время“, потому что въ виду послѣднихъ событий становится очевиднымъ, что всѣ эти предварительные прижимки составляли не что иное, какъ часть сознательно задуманного заговора, имѣвшаго цѣлью свести финляндскую конституцію къ нулю.

Начало теперешней сумятицы положилъ несчастный законо-проектъ объ арміи, предложенный сословіемъ Финляндіи на чрезвычайномъ собраниі, созванномъ исключительно для этой цѣли, генераль-губернаторомъ Бобриковымъ въ концѣ минувшаго января. Во вступлении къ этому „милостивому предложению“ говорится: „Единство русской арміи требуетъ введенія полного однообразія въ отношеніи комплектованія списковъ арміи какъ въ военное, такъ и въ мирное время; посему настоящій законъ, предлагаемый чрезвычайной сессіи Сейма, составленъ нижеслѣдующимъ образомъ по нашему милостивому распоряженію, въ отмѣну правилъ, содержащихся въ Актѣ объ арміи отъ 18 декабря 1878 г., утвержденномъ Его Величествомъ (покойнымъ царемъ Александромъ II) для Великаго Княжества финляндскаго“. *)

Затѣмъ излагаются подробности въ 286 статьяхъ. Главною цѣлью этого новаго закона объ арміи было слить финляндскую армію съ русской, и важнейшимъ политическимъ послѣдствіемъ его было бы то, что финскія войска уже больше не служили бы, какъ до сихъ поръ было, исключительно для защиты самой Финляндіи отъ вѣшнихъ враговъ, — наоборотъ, по предложенному закону, военные силы Великаго Княжества могли быть во всякое время передвинуты въ Россію, и обратно, русскіе офицеры могли быть присылаемы командовать финскими батальонами. А такъ какъ, въ послѣднемъ случаѣ, нельзя предположить, чтобы русскіе офицеры взяли на себя трудъ изучить оба официальные языка Финляндіи (шведскій и финскій), то ихъ присутствіе въ финской арміи неминуемо привело бы къ введенію русского языка (въ настоящее время онъ употребляется въ Финляндіи только при отдачѣ команды въ арміи), а родные языки подвергались бы риску очутиться въ положеніи мѣстныхъ нарѣчий, терпимыхъ лишь изъ милости. Что это не было воображаемой только опасностью,

*) Это вступление занимаетъ 21 съ половиной столбца in folio въ приложениі къ руководящей финской газетѣ *Nya Pressen* отъ 25 января 1899 г.

ясно видно изъ нѣкоторыхъ параграфовъ въ предложенныхъ но-
выхъ правилахъ и, въ особенности, изъ того пункта, въ которомъ
объщается значительное сокращеніе обязательнаго срока военной
службы лицамъ финскаго происхожденія, которыхъ будутъ обла-
дать знаніемъ русскаго языка. Для Сейма принять эти военные
предложенія въ ихъ настоящемъ видѣ было бы равносильно по-
литическому самоубийству; и русскій генералъ-губернаторъ Фин-
ляндіи, повидимому, доложилъ куда слѣдуетъ, что единственный
отвѣтъ финскихъ сословій можетъ быть лишь non possumus, такъ
какъ, не успѣвъ еще даже обсудить предложенный на ихъ раз-
смотрѣніе новый законопроектъ, сословія вдругъ очутились ли-
цомъ къ лицу съ новымъ, совершенно непредвидѣннымъ и неиз-
вѣнительнымъ актомъ деспотизма. Въ Петербургѣ было рѣшено
лишить финскія сословія ихъ права veto по отношенію къ зако-
нопроекту объ арміи и, такимъ образомъ, спасти Россію отъ
политического пораженія въ ея же собственныхъ предѣлахъ;
цѣль эту предполагалось достигнуть чрезвычайно простымъ сред-
ствомъ, а именно, незначительнымъ измѣненіемъ финляндской
конституції посредствомъ царскаго манифеста.

Говорятъ, что проектъ этого манифеста былъ выработанъ на
совѣщаніи, состоявшемся въ Петербургѣ въ началѣ текущаго года
подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича
и при участії, между прочимъ, реакціонера Побѣдоносцева и ге-
нералъ-губернатора Бобрикова. Вопреки протесту министра-се-
кретаря Финляндіи, генерала Прокопе, проектъ былъ принять боль-
шинствомъ голосовъ и тотчасъ же поднесенъ на утвержденіе царю,
который собственноручно и начерталъ на немъ: „быть по сему“. Но
прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такой чрезвычайной мѣрѣ, рѣ-
шено было сдѣлать черезъ посредство генералъ-губернатора
Бобрикова послѣднюю попытку уладить дѣло по добруму старому
русскому обычая, полюбовно. Около средины февраля генералъ
Бобриковъ обращается частнымъ образомъ черезъ своего глав-
наго секретаря полковника фонъ-Минквица къ барону фонъ-
Тройлю, Ландмаршалу, или Президенту финскаго Сейма, прося
его употребить свое „большое влияніе“ на Сеймъ и убѣдить сво-
ихъ друзей и сторонниковъ проявить свое вѣрноподданничество
сколь возможно болѣшими уступками военному законопроекту —
въ интересахъ самой страны. Фонъ-Тройль отвѣтилъ коротко
и ясно: „поклонитесь отъ меня Его Превосходительству, сказалъ

онъ, и передайте ему, что финскій законъ считаетъ преступникомъ всякаго, кто въ теченіе сессіи Сейма пытается оказать какое бы то ни было предосудительное давленіе на своихъ парламентскихъ товарищѣй". Послѣ этого генералъ Бобриковъ снова отправился въ Петербургъ и доложилъ, что населеніе Великаго Княжества безнадежно упорствуетъ. 14-го февраля онъ вернулся въ Гельсингфорсъ съ известнымъ намъ уже злоолучнымъ манифестомъ въ карманѣ.

Нѣть надобности подробно излагать манифестъ и формулированные въ приложениі къ нему „grundstadgaden“, или основные статуты: ихъ содержаніе и значеніе можно отмѣтить въ двухъ словахъ. Они безъ дальнихъ околичностей постановляютъ, что отнынѣ одинъ лишь государь будетъ рѣшать, какіе вопросы общегосударственные и какіе — чисто мѣстного характера, могущіе быть предоставленными вѣдѣнію сейма. Издание такого указа является просто на проста соopr d' état — насильственнымъ государственнымъ переворотомъ, такъ какъ оно выражаетъ рѣшеніе конституціоннаго монарха (т. е. Великаго князя Финляндіи) впредь игнорировать въ извѣстныхъ случаяхъ ту самую конституцію, охранителемъ которой онъ является. Отнынѣ по всѣмъ вопросамъ, которые императоръ сочтетъ относящимися ко всей имперіи, включая сюда и самую Финляндію, финскаго сейма какъ бы и не будетъ. А между тѣмъ въ Landtagsordning, или парламентскомъ статутѣ 1871 г., который Николай II клятвенно обѣщалъ соблюдать, значится совершенно явственно: „основные законы могутъ составляться, дополняться, обнародоваться и отмѣняться лишь по предложению Императора Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій государства (Финляндіи)“. До сихъ поръ въ сомнительныхъ случаяхъ вопросы, которые касались одновременно Россіи и Финляндіи, окончательно формулировались на совѣщаніяхъ министровъ обоихъ государствъ, такъ что для каждой изъ обѣихъ составныхъ частей имперіи издавались не *общіе*, а *отдельные*, хотя и *тождественные* законы. Оттого наиболѣе зловѣщей чертой манифеста 15 февраля является то, что впредь финландцы никогда не могутъ быть увѣрены, какіе вопросы русскому императору заблагоразсудится признавать „общегосударственными“. Поэтому мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что манифестъ этотъ является смертельнымъ ударомъ для свободы Финляндіи,

такъ какъ онъ лишаетъ финляндцевъ драгоцѣннѣйшей ихъ привилегіи, а именно: привилегіи составлять для себя свои собственныя законы, совмѣстно съ Великимъ Княземъ, и превращаетъ сеймъ изъ законодательного представительного парламента въ простое совѣщательное провинциальное собраніе.

Манифестъ разразился, какъ громъ надъ головою ошеломленныхъ финляндцевъ, ибо хотя въ Гельсингфорсѣ и носились разные темные слухи незадолго до его появленія, но ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ не думалъ серьезно о возможности такого посягательства. Манифестъ былъ опубликованъ 17 февраля въ офиціальной русской газетѣ, и финскому сенату, высшему исполнительному совѣту Финляндіи, было приказано немедленно опубликовать его въ двухъ офиціальныхъ финляндскихъ газетахъ. Послѣ долгихъ и тревожныхъ препій мнѣніе опортунистовъ, что слѣдуетъ избѣгать крайностей, одержало верхъ большинствомъ одного голоса*), и манифестъ былъ, согласно этому, напечатанъ въ газетахъ. Сенатъ жестоко порицали за его уступчивость по этому поводу, но я полагаю — несправедливо. Нѣтъ сомнѣнія, что отказъ сената опубликовать манифестъ побудилъ бы новоявленного „князя мира“***) прибѣгнуть для убѣжденія самыхъ безобидныхъ и интеллигентныхъ изъ своихъ подданныхъ къ другого рода аргументамъ — къ штыкамъ и пулѣмъ; и хотя подобная репрессія сдѣлали бы миротворца вселенной смѣшнымъ въ глазахъ Европы, но онѣ означали бы полное уничтоженіе свободы Финляндіи. Русскому правительству ничего не было бы такъ на руку, какъ приличный предлогъ для объявленія осадного положенія и вызова войска для подавленія воображаемаго восстанія, ибо теперь достовѣрно известно, что наканунѣ этого соур *d'état*, въ Финляндіи и Петербургѣ были приняты чрезвычайныя военные предосторожности на случай могущихъ произойти осложненій. Однако, къ своему счастью, финляндцы — народъ въ высшей степени хладнокровный, осторожный, прозорливый, медленный въ словахъ и еще болѣе медленный въ движеніяхъ, и эта естественная флегма сослужила имъ хорошую службу въ настоящемъ кризисѣ. Тѣмъ не менѣе, поведеніе ихъ было столько же мужественно, сколько коррект-

*) На самомъ дѣлѣ голоса раздѣлились поровну, и голосъ предсѣдателя рѣшилъ дѣло.

**) Такъ скандинавцы теперь иронически величаютъ царя.

но, и они не упустили ни одного случая, чтобы не выразить законными способами своего неудовольствія. Начато съ того, что сенатъ единогласно рѣшилъ тотчасъ же войти съ почтительнейшимъ представленіемъ къ царю черезъ своего статье-секретаря, генерала Прокопе, въ Петербургѣ. Въ этой запискѣ просители краснорѣчиво и ясно излагаютъ положеніе дѣла; затѣмъ, доказавъ, что по точной буквѣ конституціи ни одинъ вопросъ, относящийся къ учрежденіямъ Финляндіи, не можетъ быть изъять изъ законного обсужденія народныхъ представителей Финляндіи только потому, что онъ въ то же время касается Российской имперіи, — они обращаются съ слѣдующимъ воззаніемъ къ чувству чести и справедливости императора:

„Всемилостивѣйшій Императоръ! Жители Финляндіи никогда не перестанутъ благословлять память великодушнаго монарха (Александра I), который умѣлъ привязать къ себѣ финскій народъ неразрывными узами лояльности и любви въ моментъ, когда Финляндія присоединялась къ Имперіи и призвана была судбою начать новую эру жизни. Финскій народъ глубоко проникнуть сознаніемъ долга признательности также ко всѣмъ послѣдующимъ монархамъ за любовь къ нему и за дарование ему многихъ милостей. Онъ также имѣть столь высокое мнѣніе о священной особѣ Государя и столь высокое представленіе о неизмѣнности царскаго слова, что онъ видѣть въ немъ вѣрную гарантію законныхъ правъ своей страны. А потому сенатъ Вашего Императорскаго Величества не можетъ себѣ представить, чтобы милостивымъ желаніемъ и намѣреніемъ Вашего Императорскаго Величества могло быть отступленіе отъ торжественнаго обѣщанія, даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ финляндскому народу при восшествіи на престоль, сохранять ненарушило и во всей силѣ конституцію этой страны... Поэтому сенатъ почтительнейше просить, чтобы Ваше Императорское Величество соблаговолило объявить, что настоящее законодательное мѣропріятіе не имѣть въ виду уничтожить основныя права и вольности финскаго народа“.

Въ заключеніе сенатъ предлагаетъ достойный и разумный выходъ изъ запутаннаго положенія:

„Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, существуютъ законодательные вопросы, касающіеся общихъ интересовъ Имперіи, которые требуютъ иной процедуры обсужденія, нежели какая была въ

силъ до сихъ поръ, и такъ какъ сенатъ убѣжденъ, что финскій народъ никогда не станетъ уклоняться отъ уступокъ и жертвъ, требуемыхъ истинными интересами Импіеріи, — то онъ, Сенатъ, осмѣливаются почтительнѣйше просить, чтобы Вашему Величеству угодно было повелѣть составить опытными людьми, какъ русскими, такъ и финляндцами, законопроектъ, регулирующій порядокъ законодательства по мѣропріятіямъ, касающимся общихъ интересовъ Импіеріи; и такой проектъ, послѣ тщательнаго предварительного разсмотрѣнія, предложить на обсужденіе Сословій Финляндіи, согласно основнымъ законамъ Конституції“.

Это прошеніе было должнымъ образомъ прочтено царю генераломъ Проколе во время его официального доклада. Однако, оно не только не тронуло Николая II, но напротивъ того, точка зрения Сената показалась ему грубымъ непониманіемъ его добродой воли, и онъ вспылилъ. „Онъ надѣялся, — говорить, сказъ онъ, — что для финского народа достаточно знать, что это онъ самъ, Императоръ, решаетъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, чтѣ государственный и чтѣ чисто финскій вопросъ“. Это напоминаетъ пріемы Екатерины II, которая заключила въ тюрьму польскихъ сенаторовъ и депутатовъ за то, „что они сомнѣвались въ чистотѣ ея намѣреній“ — и это въ тотъ самый моментъ, когда она уничтожала ихъ свободу и грабила ихъ страну. Излишне, быть можетъ, прибавлять, что изъ петицій финского Сената ничего не вышло.

Однаково неудачны были попытки въ томъ же направленіи Сейма и финского прокурора Зодергельма, высшаго судебнаго лица великаго княжества. Зодергельмъ, протестовавшій въ самомъ началѣ противъ опубликованія манифеста Сенатомъ, поспѣшилъ на слѣдующій день въ Петербургъ просять ауденціи у царя; но въ ауденціи ему было отказано. Подобная же судьба постигла президентовъ четырехъ палатъ Сейма которые посыпѣнно были отправлены въ Петербургъ съ цѣлью сообщить монарху единодушное рѣшеніе Сословій, сожалѣвшихъ о случившемся и дѣлавшихъ почтительное представление противъ такого злоупотребленія властью.*)

*.) Слѣдующая за тѣмъ огромная депутація изъ 500 представителей всѣхъ классовъ населенія, прибывшая въ Петербургъ, во избѣженіе шума, въ группахъ по два и по три человѣка, также должна была вернуться въ Финляндію съ пустыми руками.

представителей цѣлаго народа болѣе, чѣмъ ясно указываетъ на рѣшеніе царскихъ совѣтниковъ не уступать ни пяди изъ того положенія, которое они заняли. Поэтому, всякую надежду на отмѣну манифеста слѣдуетъ разматривать, какъ весьма сомнительную возможность.

Въ настоящій моментъ финляндцы переживаютъ нѣчто въ родѣ господства террора, и все, что они могутъ теперь дѣлать — это протестовать у себя на родинѣ *) и создать общественное мнѣніе заграницей. Даже въ Россіи они завоевали уже симпатіи болѣе либеральной и просвѣщенной части общества. Каждый день приносить съ собою новые доказательства того, что въ самомъ Петербургѣ существуетъ сильное чувство негодованія по поводу реакціоннаго похода противъ автономіи Финляндіи. Пастора шведской церкви въ русской столицѣ посыпали многіе совершенно незнакомые ему выдающіеся русскіе, которые выражали свой ужасъ и негодованіе по поводу coup d'état въ Финляндіи. Тамошній финскій книжный рынокъ посыпаютъ ежедневно русскіе, желающіе пріобрѣсть сочиненія знаменитыхъ финскихъ публицистовъ Данельсона и Мехелина, чтобы самимъ изучить финскій вопросъ. Кромѣ того, въ высшихъ кругахъ русской столицы произносились, при всеобщемъ одобрѣніи, рѣчи въ пользу Финляндіи, и мнѣ передавали, что предлагается послать адресъ отъ имени русской аристократіи съ выражениемъ симпатіи Сословіямъ Финляндіи.

Я вѣрю, что самъ по себѣ царь — честный человѣкъ, и что данное слово для него столь же дорого, какъ и для другого благородного человѣка. Но тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что онъ позволяетъ прикрывать своимъ именемъ одно изъ самыхъ безчестныхъ дѣяній нашего времени, указываетъ ясно, что онъ — не что иное, какъ покорная, и легко обманываемая кукла въ рукахъ реакціонной камарильи.

Нисбетъ Бэнъ.

*) Это они дѣлаютъ, явившись въ траурѣ, возлагая вѣнцы на статую Александра II въ Гельсингфорѣ и возражая на доводы русскихъ шовинистовъ въ печати.

ФИНЛЯНДІЯ И ЦАРЬ.

(Изъ статьи, помещенной въ англійскомъ журнале „Contemporary Review“
въ маѣ 1899 г.)

Финляндцы не привыкли видѣть свою страну предметомъ вниманія европейской прессы. Мало кто знаетъ что-либо о Финляндіи, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго : Финляндскій народъ, какъ политическое тѣло, не только не отличается многочисленностью, но еще и очень молодъ ; кроме того, со времени своего появленія на міровой сценѣ, онъ находился въ тѣсномъ союзѣ съ могущественной державой, величие и значеніе которой оставляли въ тѣни конституціонное Великое Княжество, находящееся подъ владычествомъ царя. Но, несмотря на это, мы были очень счастливымъ народомъ и стремились лишь къ тому, чтобы пользоваться нашими правами и подвигаться впередъ по пути промышленности и экономіи, умственной и нравственной культуры, просвѣщенія и развитія на почвѣ науки и искусства. Понятно, что такое, полное спокойного довольства, существованіе не могло служить предметомъ сенсаціонныхъ газетныхъ статей. Но это довольство теперь исчезло. Манифестъ царя отъ 15 февраля нарушилъ наше мирное существованіе.

При конституції, гарантированной Финляндіи императоромъ Александромъ I и его наслѣдниками, страна прогрессировала, какъ въ материальномъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніяхъ, съ удивительной быстротой. По общему убѣждению финляндцевъ, этотъ поразительный прогрессъ должно пѣликомъ приписать конституціонному образу правленія, и поэтому вполнѣ понятна ихъ привязанность къ нему и готовность защищать этотъ порядокъ противъ всякаго нарушенія.

За послѣдніе десять — двѣнадцать лѣтъ шовинистская часть русской прессы предприняла ожесточенную кампанію противъ финляндскихъ конституціонныхъ учрежденій. Какой характеръ носила эта кампанія, лучше всего можно судить по слѣдующему описанію Петербургскаго корреспондента Times'a :

„Чѣмъ хладнокровиѣ и спокойиѣ, — пишетъ корреспондентъ, — хотятъ финляндцы выдержать систему пассивнаго сопротивленія, тѣмъ ожесточеннѣе и настойчивѣе дѣлаются ихъ противники въ русской прессѣ. Нападки этой прессы на поляковъ, балтийскихъ нѣмцевъ и закавказскихъ армянъ носятъ гораздо

болѣе мягкий и случайный характеръ, по сравненію съ нападками на безобидныхъ финландцевъ... Лишь люди, терпѣливо слѣдившіе изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ за безкрайними потоками оскорблений, направленныхъ на финляндскія учрежденія, и за извращеніемъ принциповъ, которыми эти учрежденія руководятся, — могутъ имѣть представление о степени ожесточенія, съ которой производится эта антифинляндская пропаганда“.

Вслѣдъ за нападками периодической прессы появился цѣлый рядъ книгъ, преслѣдовавшихъ тѣ-же цѣли. Со стороны финляндцевъ онъ были парировани трудами финляндскихъ ученыхъ: сенатора Мехелина, профессоровъ Данельсона и Германсона и др., нашедшихъ себѣ поддержку даже со стороны нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ.

Въ общемъ, до послѣдняго времени финляндцы, несмотря на сомнѣвавшись въ правотѣ своего дѣла, не были особенно обезпокоены нападками русской шовинистской прессы, вполнѣ полагаясь на присягу царя. Но, вотъ, въ 1898 появился новый военный законопроектъ, а вслѣдъ за нимъ манифестъ царя отъ 15 февраля.

Относительно характера этого манифеста въ Финляндіи существуетъ лишь одно мнѣніе, а именно, что Императоръ и Великій Князь, обнародовавъ его, нарушилъ свое торжественное обѣщаніе, которое онъ далъ при вступленіи на престолъ, соблюдать въ точности финляндскую конституцію, одинъ изъ пунктовъ которой гласить, что основные законы страны не могутъ быть отмѣнены или измѣнены безъ согласія всѣхъ четырехъ сословій. То обстоятельство, что финляндскій сенатъ рѣшился обнародовать манифестъ царя, еще не доказываетъ, что сенатъ призналъ его согласнымъ съ конституціей, ибо и генераль-прокуроръ, высшее судебное лицо въ Великомъ Княжествѣ, протестовалъ противъ этого обнародованія, и самъ сенатъ единогласно рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ царю, просіи его объявить, что предложенная имъ законодательная мѣра не имѣть въ виду нарушить государственный строй Финляндіи.

Извѣстно, что генераль-губернаторъ Бобриновъ, какъ бы въ ответъ на это воззваніе, разослагъ губернаторамъ финляндскихъ губерній циркуляръ, въ которомъ утверждалъ, что вредъ всѣхъ законовъ, касающихся интересовъ Финляндіи, будуть составляться и

обнародоваться точно такъ же, какъ до сихъ порь ; но это ни- сколько не выясняетъ положенія дѣла. Чего финляндцы желаютъ, такъ это точнаго заявленія со стороны самого Государа.

Мы, финляндцы, постоянно задаемъ себѣ вопросы: Чѣмъ обозначаетъ мѣра, обнародованная Императоромъ и Великимъ Княземъ ? Почему миръ, которымъ мы наслаждались, былъ нарушенъ именно тѣмъ самимъ человѣкомъ, который объявилъ, что онъ стремится „къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ силами смуты и раздора“ ? Почему законъ нарушенъ тѣмъ, кто самъ объявилъ себя защитникомъ „началь права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государства и преуспѣліе народовъ“ ? Почему человѣкъ, ясно заявившій, что „по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждого государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли“, въ то же самое время увеличиваетъ вооруженія нашей націи до такихъ предѣловъ, что они становятся невыносимой тяжестью ? Почему все это дѣлаетъ тотъ самый человѣкъ, который тутъ же заявляетъ, что „положить предѣль непрерывнымъ вооруженіямъ — таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ“ ? Почему не сдержалъ онъ слова, данного націи, которая всегда была признаваема самой вѣрноподданной среди его подданныхъ ? Мы думали, что величайшая слава для монарха — видѣть свой народъ процветающимъ и счастливымъ и быть самому предметомъ обожанія этого народа. Мы были убѣждены, что нашъ Великий Князь не можетъ нарушить нашихъ законовъ, ни преступить даннаго намъ слова. Мы всегда слыхали лишь похвалы нашимъ солдатамъ и думали, что чѣмъ больше средствъ мы затратимъ на образование народа, тѣмъ меньше ихъ понадобится для военныхъ цѣлей. Мы никогда и не воображали возможнымъ такую мѣру, какъ отзваніе нашихъ солдатъ изъ родной ихъ страны, которую они любятъ со всемъ свойственномъ сѣверянамъ страстной привязанностью къ своему отечѣству; мы не думали, что ихъ когда-либо могутъ заставить отбывать воинскую повинность среди народа, языкъ котораго имъ чуждъ, образование котораго такъ различается отъ ихъ образования ; что, наконѣцъ, ихъ заставить принимать новую присягу, въ которой обѣщаніе „повиноваться законамъ и установленіямъ, имѣющимъ силу въ странѣ“, будетъ исключено и замѣнено присягой на вѣрноподданство

неограниченному монарху. Все это несомнѣнно сдѣлаетъ для нихъ отбываніе воинской повинности наказаніемъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ таковыимъ оно является въ какой-либо другой странѣ.

На всѣ поставленные нами выше вопросы имѣется лишь одинъ отвѣтъ: совѣтники нашего Государя преподали ему плохой совѣтъ, и самъ онъ недостаточно понимаетъ своихъ финляндскихъ подданныхъ. Мы не вѣrimъ, мы не можемъ вѣрить, чтобы онъ сознательно нарушилъ свою клятву. Его торжественное обѣщаніе почитать нашу конституцію висить оправленнымъ въ рамки въ каждой финляндской церкви, и на него смотрѣть съ благоговѣйнымъ почтеніемъ. Оно висить тамъ, какъ эмблема ненарушимости священныхъ правъ. Скажите финляндскому крестьянину, что прочитаніе имъ въ обѣщаніи — неправда, и вы отнимете этимъ у него часть его религіозныхъ убѣждений. Онъ отвѣтить вамъ, что у Государя лукавые совѣтники, но что самъ онъ всегда поступаетъ съ благими намѣреніями. Да и чѣмъ иначе объяснить тотъ фактъ, что нѣкоторые люди такъ стараются скрыть отъ царя ту скорбь, въ которую манифестъ повергъ всѣ классы народа? Эту скорбь стараются представить измышленіемъ финляндского дворянства и бюрократіи. Царю докладывается, что всѣ разумные финляндцы довольны, такъ называемой, „реформой“. Всякое же выраженіе дѣйствительныхъ чувствъ народа, могущее достигнуть Государя, тщательно подавляется. Великолѣпный вѣнокъ, съ французской надписью: „Отъ благодарныхъ финляндцевъ“, который былъ посланъ въ Петербургъ для возложенія на гробъ Александра II въ годовщину его смерти, исчезъ передъ посѣщеніемъ теперешнімъ царемъ собора. Сообщаютъ въ видѣ виолѣ достовѣрного слуха, что генераль-губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ гирлянды и цвѣты, которыми финляндцы, со времени обнародованія манифеста, украшаютъ статую Александра II-го въ Гельсингфорсѣ, были сняты съ нея, и это приказаніе было отмѣнено лишь потому, что чиновникъ, которому оно было отдано, потребовалъ отъ генераль-губернатора письменнаго распоряженія, но генераль-губернаторъ не рѣшился на этотъ шагъ. Массовая депутація и адреса генераль-губернатору особенно не по душѣ, и онъ борется съ ними при помощи контрѣ-адресовъ за фиктивными подписями, собираемыми бродячими рус-

скими прасолами и разносчиками. Послѣдніе служатъ еще и другимъ цѣлямъ: они распространяютъ слухи, что, по введеніи въ Финляндіи русскихъ законовъ, будетъ произведенъ передѣлъ земли, и всякий получитъ часть, причитающуюся на его долю. Эта же система нѣсколько времени тому назадъ практиковалась въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ народонаселеніе было такимъ путемъ возбуждаемо противъ вѣмецкихъ помѣщиковъ. И не только система одна и та же: человѣкъ, который, по общему мнѣнію, отвѣтственъ за настоящее положеніе дѣль, — теперешній генераль-губернаторъ Финляндіи, когда-то принималъ дѣятельное участіе и въ русификаціи балтійскихъ провинцій. Его имя — генераль Бобриковъ.

Бобриковъ совершенно чуждъ духу национальной жизни Финляндіи. Его отношеніе къ финляндской прессѣ до此刻а цинично: по его мнѣнію, въ Финляндіи черезчуръ много газетъ, и вотъ онъ закрылъ одну изъ нихъ и пріостановилъ на два мѣсяца дѣль другихъ*). Одна изъ послѣднихъ „Nya Pressen“ является самымъ влиятельнымъ органомъ финляндской прессы и занимала первенствующее мѣсто въ ведущейся теперь борьбѣ за право и справедливость; понятно, что произвольная мѣра генераль-губернатора вызвала общее недоволеніе, истинный характеръ которого онъ едва ли даже понимаетъ. Со временемъ его прибытія въ край и, въ особенности, послѣ обѣродаанія манифеста царя, страна наполнилась жандармами и шпионаами. Дѣтей останавливаютъ на улицахъ и разспрашиваютъ, о чёмъ ихъ учать въ школахъ, и о чёмъ говорять ихъ родители у себя дома, предлагая имъ деньги за доносъ. Мы не знаемъ, принимаетъ ли генераль-губернаторъ непосредственное участіе въ этой омерзительной системѣ шпионства, но, во всякомъ случаѣ, онъ не дѣлаетъ ничего для того, чтобы подавить эту систему, съ которой Финляндія не была знакома до его прибытія въ край. Насъ третируютъ какъ бунтовщиковъ, хотя въ странѣ нѣть ни малѣйшихъ признаковъ бунта. Даже лица, подозрѣваемыя какъ agents provocateurs, не вызвали насилия со стороны населенія. Уваженіе къ закону и порядку такъ глубоко пустило корни въ финляндскомъ народѣ, что никакая провокация не въ силахъ будеть потрясти его.

* Съ тѣхъ поръ какъ написана эта статья, закрыто очень много финляндскихъ газетъ и журналовъ.
Ред.

Мы не проливаемъ слезъ и не просимъ о сожалѣніи. Мы думаемъ, что человѣкъ, не симпатизирующей по собственному почину такому дѣлу, какъ наше, заслуживаетъ сожалѣнія болѣе насъ самихъ. Единственное оружіе борьбы, которому мы довѣляемъ, — культура ума и характера, данная намъ скандинавской цивилизаціей. Наши русскіе противники не имѣютъ понятія о силѣ этого оружія. Финляндскіе крестьяне стоятъ въ интеллектуальномъ отношеніи на высшей ступени по сравненію съ массой русскаго народа. Могучій национальный духъ проникаетъ всѣ классы нашей демократической націи, связывая ихъ неразрывной цѣпью. Мы не даромъ въ теченіе столѣтій дышали укрѣпительнымъ воздухомъ свободы. Наша политика будетъ такъ же лояльна, какъ она была всегда. Мы постараемся сдѣлать нашъ народъ еще болѣе образованнѣмъ, уважающимъ законы и патріотическимъ. И какое бы физическое притѣсненіе ни было употреблено противъ насъ, мы надѣемся, оно не сломить нашей нравственной силы сопротивленія.

Эдуардъ Вестермаркъ.

ПОСЛѢДСТВІЯ ЦАРСКАГО МАНИФЕСТА.*)

Предыдущія статьи изъ подъ пера лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, даютъ достаточно ясную картину положенія вещей, созданного въ Финляндіи февральскимъ манифестомъ. Мы пополнимъ ее теперь имѣющимиися у насъ документами и свѣданіями и постараемся, держась строго фактической почвы, освѣтить нѣкоторыя наиболѣе важныя стороны ея.

Прежде всего, мы обратимся къ упоминающемуся въ статьяхъ *массовому адресу*, привезенному въ С-Петербургъ 500 представителями финляндскаго народа. Въ правительственныхъ сферахъ и въ иѣкоторой части нашей печати ходилъ слухъ, что этотъ адресъ, въ сущности, фиктивный, что подпись, значащаяся подъ нимъ, частью вымышлены и частью добыты обманомъ, и что, наконецъ, народная масса Финляндіи отнеслась къ царскому

* Статья составлена по нашему порученію по материалу, собранному нами.
Ред.

манифесту если не восторженно, то сочувственно. Приводимая ниже, за немногими сокращениями, статья изъ „Finland“, английского органа, посвященного финляндскому вопросу, написанная компетентнымъ лицомъ и рисующая, какъ и при какой обстановкѣ были собраны подписи, покажетъ, насколько правдоподобенъ этотъ слухъ.

Описавъ, съ какимъ волненiemъ населеніе Гельсингфорса ждало результата сенатскихъ совѣщаній относительно того, склѣдуетъ ли опубликовать царскій манифестъ или предварительно послать депутацію съ протестомъ, статья далѣе говорить:

„Въ началѣ народъ былъ ошеломленъ рѣшеніемъ сената публиковать. Повидимому, никто не зналъ, чтò думать, чтò дѣлать. Но на слѣдующій день, въ воскресенье, 7-го февраля, стали предлагать и обсуждать различные планы дѣйствія. Изъ провинціи стали прибывать, по телеграфу и по телефону, запросы относительно того, чтò столица думаетъ предпринять. Въ понедѣльникъ пришла масса писемъ съ просьбами о свѣдѣніяхъ, и въ тотъ же вечеръ состоялось въ Гельсингфорсѣ многолюдное собраніе горожанъ, на которомъ единодушно рѣшено было послать царю отъ имени всего народа протестъ въ видѣ адреса и просить его отмѣнить свой Манифестъ. Тутъ же былъ выбранъ комитетъ изъ 12-ти человѣкъ для организаціи движенія, и имъ вручены были необходимыя на это полномочія.

„На первый взглядъ можетъ казаться невозможнымъ, чтобы эти двѣнадцать человѣкъ успѣли въ теченіе какихъ-нибудь 14-ти дней и въ самый разгаръ зимы собрать подписи во всѣхъ приходахъ обширной страны, къ тому же еще страдающей недостаткомъ въ путахъ сообщенія. Но имъ это удалось, благодаря содѣйствію, которое съ энтузіазмомъ оказывалось имъ со всѣхъ сторонъ. На первомъ своемъ собраніи они получили извѣстіе, что въ Петербургѣ готовятся къ скорому отъѣзду царя и царицы на Ривіеру. Извѣстіе пришло изъ надежныхъ источниковъ. Комитетъ къ тому времени уже рѣшилъ было послать адресъ въ Петербургъ съ колоссальной депутаціей, состоящей изъ представителей всѣхъ 500 приходовъ Финляндіи, по одному изъ каждого. Извѣстіе изъ Петербурга заставило лишь принять добавочное рѣшеніе послать депутацію, въ случаѣ необходимости, на Ривіеру черезъ всю Европу. Такъ же легко и съ такою же увѣренностью во всеобщей готовности на жертвы

разрешенъ былъ вопросъ о денежныхъ средствахъ, нужныхъ для такой поѣздки. Тремъ членамъ комитета поручено было заняться сборомъ денегъ, и 20-ю часами позже, когда комитетъ собрался вновь, въ его распоряженіи уже было полмилліона марокъ, обѣщанныхъ разными лицами, т. е. вдвое больше того, во что могла бы обойтись поѣздка депутатіі. Какъ известно, однако, поѣздка государя не состоялась, и комитетъ отмѣнилъ сдѣланнія имъ на этотъ счетъ распоряженія.

„Само собою понятно, что комитетъ не могъ пользоваться для своихъ сношеній ни телеграфомъ, находящимся въ рукахъ русского правительства, ни даже почтой, такъ какъ подозрѣвалось, что низшіе чиновники вскрывали письма. Всѣ сношениія поэтому приходилось производить устно, а для этого требовалось до ета человѣкъ эмиссаровъ. При первомъ же слухѣ объ этомъ 300 человѣкъ различнаго общественнаго положенія предложили комитету свои услуги. Тѣмъ временемъ лихорадочно шла работа по заготовкѣ копій адреса. День и ночь работали сми-нами двѣсти молодыхъ людей обоего пола, приготовляя экземпляры адреса и вступительной рѣчи, которую имѣлось въ виду прочесть на всѣхъ сельскихъ сходахъ въ воскресеніе, 21-го февраля. Гонцы, которымъ предстояль особенно долгій путь, оставили Гельсингфорсъ въ пятницу вечеромъ, 12-го февраля. Къ утру понедѣльника всѣ уже уѣхали и повсюду встрѣтили тотъ же пріемъ. Крестьяне, какъ только получали извѣстіе обѣ адресѣ, тотчасъ же, по собственному почину, снаряжались въ путь для сообщенія вѣсти въ окружныя села и усадьбы. Для этого достаточно было одного слова. Каждый съ радостью готовъ былъ дѣлать все, чтѣ было въ его власти. „Народъ самъ обратился съ возваніемъ къ царю“, — такова вѣсть, которая облетѣла страну и будила повсюду надежды.

„5-го марта повсюду: въ городахъ, деревняхъ и селахъ, проходили сходы. Тамъ, гдѣ не было достаточно большихъ залъ, церкви отворяли свои двери, и толпа валила и окружала столы, гдѣ лежали экземпляры адреса въ ожиданіи подписей. Одни лишь грамотные допускались къ подписи, и строгость, которая соблюдалась на этотъ счетъ, часто вызывала патетическія сцены. Въ одной деревнѣ старикъ 70-ти лѣтъ, старшій работникъ въ одномъ изъ тамошнихъ имѣній, приходитъ къ хозяину и просить научить его писать свое имя. „Я слишкомъ тяжело на-

казанъ за то, что лѣнился въ дѣтствѣ,” сказалъ онъ со слезами на глазахъ. „Я не могу принять участія въ протестѣ родины противъ несправедливости.“ Лишь послѣ часу упорного труда онъ уѣхалъ, найдя, что онъ уже въ состояніи выводить свое имя на бумагѣ. Другіе, узнавъ, что подписи будутъ приниматься еще три дня, обратились къ сельскому учителю и были необычайно горды, когда имъ удалось, наконецъ, цѣною страшныхъ усилий научиться подписываться и начертать свое имя на адресѣ. Въ одномъ случаѣ владѣлецъ усадѣбы, находившейся въ какомъ-то медвѣжьемъ углу, узналъ, что происходило, отъ одного изъ своихъ работниковъ, случайно проходившаго въ это воскресеніе мимо сельской церкви. Было уже слишкомъ поздно для всѣхъ, жившихъ въ усадѣбѣ, отправляться въ церковь и попасть во-время. Но владѣлецъ усадѣбы не унывалъ. Онъ сѣлъ за столъ и прямо написалъ царю, прося его „уважить законы Финляндіи и отмѣнить мѣру, которою онъ уничтожалъ ихъ.“ Онъ подписалъ посланіе, дать подписать другимъ членамъ семьи, равно какъ и прислугѣ и работникамъ, и послалъ его черезъ нарочнаго делегата отъ его прихода. Делегатъ былъ найденъ, своеобразное и трогательное прибавленіе къ массовому адресу прибыло своевременно въ Гельсингфорсъ и тамъ прішло къ прочимъ листамъ.

„Самый сѣверный приходъ, куда былъ посланъ делегатъ, былъ Рованіеми, за полярнымъ кругомъ. Тамъ всѣ дороги кончаются и зимою нѣть никакихъ способовъ сообщенія, кромѣ какъ на лыжахъ; но въ этомъ искусстве тамошнее населеніе особенно отличается. Гельсингфорскій комитетъ полагалъ невозможнымъ послать адресъ еще далѣе на сѣверъ, но Рованіемскіе крестьяне думали иначе. Узнавъ, что сосѣдей ихъ дальше къ сѣверу собираются исключить изъ участія въ протестѣ противъ несправедливости, причиненной странѣ ихъ, они рѣшили забрать дѣло въ свои собственные руки. Необходимо было достать добровольца, который бы взялся разнести вѣстъ по далекому сѣверу, и на зовъ явился лучшій лижебѣжецъ деревни. Для того, чтобы добраться до первого большого села, ближайшаго села Киттильскаго прихода, ему предстояло пробѣжать среди необитаемыхъ мѣстъ до 150 верстъ, а у него въ распоряженіи было всего 24 часа. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло въ 18 часовъ. Онъ весь день и всю ночь бѣжалъ по замерзшимъ топямъ и

льсамъ, гдѣ не было даже тропинокъ, и достигъ мѣста своего назначенія около полудня слѣдующаго дня. Онъ тотчасъ же передалъ жителямъ деревни свое порученіе. Они немедленно, въ свою очередь, разослали гонцовъ на лыжахъ по всѣмъ направлениямъ, и къ вечеру прибыло около 70-ти человѣкъ, изъ которыхъ многимъ пришлось пробѣжать большія разстоянія безъ остановки, чтобы послать во-время. Устроили сходъ, подписали подъ адресомъ свои имена и въ тотъ же вечеръ послали въ Гельсингфорсъ delegата. Послѣдній, въ свою очередь, пробѣжалъ около 150 верстъ съ драгоцѣннымъ документомъ въ карманѣ въ видѣ единственнаго своего багажа и прибылъ на слѣдующій день въ мѣсто, откуда могъ уже продолжать свое путешествіе верхомъ либо въ саняхъ. Онъ сдѣлалъ еще 200 верстъ до ближайшей желѣзно-дорожной станціи, а оттуда поѣхалъ въ Гельсингфорсъ, куда и прибылъ съ тѣмъ же поѣздомъ, что и остальные delegаты!

„Что же касается до Гельсингфорса, то дѣло по сбору подписей было поручено 40 дамамъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ. Такъ какъ всю затѣю рѣшено было до поры до времени скрывать отъ генераль-губернатора, то никакихъ собраній нельзя было устраивать. Взамѣнъ этого, городъ былъ раздѣленъ на 40 участковъ, по одному на каждую изъ упомянутыхъ дамъ, изъ коихъ каждая навербовала себѣ помощниковъ, и 21-го февраля начался изъ дома въ домъ сборъ подписей, который и далъ 34000 именъ.

„Къ востоку и западу отъ Гельсингфорса тянется на протяженіи почти двухъ десятковъ верстъ архипелагъ. Самые дальние острова населены рыбаками, которые зимою совершенно отрѣзаны отъ остального міра; но и о нихъ не забыли. Молодые люди изъ Гельсингфорса, отличавшіеся своимъ искусствомъ бѣгать на лыжахъ, образовали „летучій отрядъ“ и обѣжали все колоссальное ледяное поле отъ острова къ острову, отъ скалы до скалы и вернулись назадъ съ тысячью слишкомъ подписей лицъ обоего пола, радостно ухватившихся за этотъ случай принять участіе въ национальному протестѣ.“

Такъ было собрано 523921 подпись менѣе чѣмъ въ 10 дней. Теперь приведемъ нѣкоторые отрывки изъ текста адреса.

„Манифестъ 3-го февраля Вашего Императорскаго Величества возбудилъ тревогу и скорбь по всей Финляндіи. Временемъ

освященное право финского народа на участіе черезъ своихъ сословныхъ представителей въ законодательствѣ было подтверждено блаженной памяти императоромъ Александромъ I и расширено и урегулировано при императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III. Однако же теперь, согласно основнымъ положеніямъ, изданнымъ вмѣстѣ съ манифестомъ, земскіе чины въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ признаны касающимися интересовъ всей имперіи, не будутъ донущены къ участію въ законодательствѣ съ рѣшающимъ правомъ голоса, обеспеченнымъ за ними основными законами Финляндіи. Государь, этотъ Манифестъ колеблетъ фундаментъ нашего общественнаго строя...

„Мы, нижеподписавшіеся, граждане Финляндіи всѣхъ классовъ, вѣрноподданнѣйше просимъ, да будетъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно выслушать повергаемое къ трону Вашему выраженіе опасенія за судьбу, которая угрожаетъ теперь нашей родинѣ ...

„Подъ скіпетромъ благородныхъ монарховъ и подъ защитой своихъ законовъ Финляндія постоянно прогрессировала въ благосостояніи и нравственномъ развитіи. Народъ финскій добросовѣстно старался выполнять свои обязанности по отношенію къ своимъ монархамъ и къ Россійской Имперіи. Намъ известно, что у нашей родины въ послѣднее время въ Россіи были враги, которые старались клеветою возбуждать недовѣріе къ преданности и честности финского народа, но намъ также известно, что эта клевета — порожденіе неправды. Нѣть страны, гдѣ уваженіе къ законной власти и къ закону имѣло бы болѣе глубокіе корни, нежели въ Финляндіи . . .

„Мы не можемъ повѣрить, чтобы въ благомъ намѣреніи Вашего Императорскаго Величества было поколебать этимъ Манифестомъ законный порядокъ и внутреннее устройство Финляндіи. Мы скорѣе готовы вѣрить, что Вашему Величеству благоугодно будетъ принять къ сердцу впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, и повелѣть привести его „положенія“ въ согласіе съ основными законами Финляндіи. Въ нашихъ сердцахъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ ненарушимости Императорскаго слова. Намъ всѣмъ известны слова, провозглашенныя благороднымъ монархомъ передъ лицомъ всего человѣчества, что сила должна уступать праву, и что право малаго народа такъ же священно, какъ и величайшей націи. Его патріотизмъ

есть добродѣтель передъ лицомъ Всемогущаго Бога, отъ которой онъ да не отречется.“

Петиція эта не была принятa. Въ отвѣтъ на докладъ ген. Прокопе о пріѣздѣ депутаціи, царь сказалъ: „Увѣдомьте депутацію, что я, конечно, не приму ее, хотя и не сержусь. Пускай она вернется домой и передастъ петицію своимъ губернаторамъ, которые, въ свою очередь, перешлютъ ее генеральному губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ переслалъ ее Вамъ для представленія мнѣ, буде она вообще окажется достойной вниманія. Объясните депутаціи смыслъ распоряженія 8-го февраля, послѣ чего пускай она разыщется по домамъ.“

Государь отказалъ, основываясь на стариинномъ законѣ 1826 г., который запрещаетъ мѣстныя петиціи царю иначе, какъ черезъ административныя инстанціи.

Отказъ государя вызвалъ среди членовъ депутаціи обиду и горечь, ярко выразившіяся въ рѣчи Вольфа, главаря депутаціи, которому пришлось выслушать изъ устъ Прокопе обѣ участіи петиціи. Эта рѣчь такъ отчетливо рисуетъ гражданское мужество финнійцевъ, что мы приводимъ наиболѣе существенные выдержки изъ нея.

„Итакъ, съ этимъ утѣшительнымъ результатомъ мы должны вернуться къ нашимъ соотечественникамъ, которые ждутъ насъ съ такимъ нетерпѣливымъ волненіемъ? Таковъ отвѣтъ, которымъ нашъ монархъ удостоиваетъ нашу вѣрноподданнѣйшую просьбу позволить повергнуть къ стопамъ Его нашу скорбь и наше несчастіе, — Его, котораго, послѣ Господа, мы считаемъ нашей главной защитой? Мы вернемся спокойно домой, какъ повелѣваетъ намъ государь, но мы вернемся другими, чѣмъ какими мы пріѣхали сюда. Мы пріѣхали съ твердою надеждою, и мы возвращаемся разочарованные. Ваше Высокопревосходительство! Прежде чѣмъ оставить эту комнату, мы считаемъ долгомъ своей совѣсти сказать, что, по нашему мнѣнію, законъ 1826 г. неприложимъ къ необыкновенному шагу, сдѣланному нашими избирателями, когда они съ довѣріемъ послали насъ сдѣлать личное воззваніе къ Государю во имя справедливости...“

„Въ виду заявлений, которыхъ Государь самъ всегда дѣлалъ относительно вѣрности финнійцевъ къ ихъ монархамъ, равно какъ и многократныхъ увѣреній въ довѣріи со стороны августейшаго Его Родителя и незабвенного Прародителя, мы умо-

ляемъ Васъ спросить: Еgo, готовъ ли Онъ, передъ Богомъ и судомъ истории, нести ответственность за нравственную гибель цѣлаго народа? Передайте Ему, что мы привыкли сносить безъ жалобы тяжелыя испытанія. Морозы многократно опустошали наши поля, и земледѣлецъ не разъ въ одну ночь терялъ плоды цѣлаго года труда. Мы всегда смиренію покорялись этимъ бѣдствіямъ, поддерживая другъ друга и уповая на будущее. Но такого губительного мороза, какъ 3-е февраля, финскій народъ еще не зналъ: въ эту ночь однімъ росчеркомъ пера было уничтожено все, что мы считали для себя самыми дорогими и что мы надѣялись передать нашимъ дѣтямъ, если и не въ большемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ же объемѣ. Всѣ мы затронуты: знатный и низкій, богатый и бѣдный — всѣ мы поражены въ одинаковой степени этимъ ударомъ судьбы. Мы не можемъ теперь видѣть результатовъ гибельного дѣйствія его: наши мысли останавливаются передъ открывающейся передъ нами перспективой. Но наши дѣти, которымъ мы надѣялись передать, въ качествѣ наслѣдія, нравственный идеалъ, еще высшій и лучшій, нежели нашъ собственный, быть можетъ, увидѣть эти результаты, когда на ихъ глазахъ будутъ рушиться глубочайшія основы нашего политического существованія, когда нашъ народъ превратится въ народъ лицемѣровъ съ ложью на устахъ. Репутація финской націи, какъ націи вѣрной и честной, быть можетъ, станетъ тогда сказаніемъ бы资料. Сообщите же Государю, что нынѣ въ Финляндіи существуетъ больше двухъ миллионовъ лояльныхъ подданныхъ, которые готовы и никогда не уклонятся отъ исполненія своего долга. Но не скрывайте отъ Него, что мы также сознаемъ и свои права. Мой отецъ первый показалъ мнѣ чебольшую книжку, па оборотѣ которой сказано было: „Основные законы Финляндіи“; онъ былъ первый, который объяснилъ моему юному уму ихъ смыслъ. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ со слезами на глазахъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсказывалъ мнѣ о незабвенныхъ дняхъ 1863 г., когда сердца монарха и народа били въ унисонъ. Спросите же Его Величество, достаточно ли онъ богатъ, чтобы отвергнуть преданность и любовь такого народа? ...

„Мы просимъ Васъ увѣрить Государа, что мы никогда не станемъ искать выхода въ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Оттого-то такъ и обидно для народа, сознавшаго свои обязанности, ви-

дѣть себя преслѣдуемыи на каждомъ шагу шпіонами. Не эти господа держать народъ въ порядкѣ: его держить въ порядкѣ унаслѣдованное уваженіе къ свяности закона. Мы не мятежники, но мы не были бы достойны своихъ свободныхъ учрежденій, если бы мы не протестовали открыто и безъ боязни, скромно, но твердо противъ всаческихъ нарушеній нашихъ основныхъ законовъ — нашей конституції, которую царь монарховъ клялись соблюдать или даже дальше развить. Весь финский народъ видѣтъ такое нарушеніе въ рескрипти 3-го февраля. Мы просимъ Васъ уведомить Государя, что мы рѣшились прибѣгнуть къ Нему именно для того, чтобы Онъ соблаговолилъ отмѣнить этотъ рескриптъ и положить предѣлъ растирающей системѣ шпіонства.

„Вы увѣряли нась, что если бы законъ позволилъ Государю принять нась, то Вы прочли бы Ему возвзваніе, подписанное 500000 гражданъ, тѣмъ же беспристрастнымъ голосомъ, какимъ вы читали представленіе русскаго сената по вопросу, вызвавшему нашу теперешнюю тревогу. Правда, что Государь уже выражилъ свою августейшую волю относительно участія нашего дѣла; но такъ какъ Вы еще не дѣлали попытки представить во время личной аудіенціи возвзваніе, котораго финский народъ ни за что не поручитъ нынѣшнему Генералъ-Губернатору, то мы вынуждены, ссылаясь на прежнія Ваши завѣренія, торжественно просить Васъ, какъ только представится случай, прочесть петицію, полученную Вами, Его Императорскому Величеству Государю.

„Мы понимаемъ, что Государю, какъ это бываетъ, могутъ быть представлены адреса съ инымъ содержаніемъ, нежели нашъ. Мы потому просимъ Васъ передать Ему, что нѣкогда Іуда предалъ Спасителя за 30 серебряниковъ.. Даже среди нась, я съ ирискорбіемъ сознаюсь, можно найти людей, которые за золото готовы продать свою родину.

„Мы просимъ Васъ передать эти наши чувства Всемилостивѣйшему Монарху.

„Да сохранить Господь царя и царицу.“

Результатомъ этой рѣчи было то, что русское правительство потребовало отъ англійскаго уволить Вольфа отъ вице-консульской должности, которую онъ занималъ въ Выборгѣ въ теченіе 13 лѣтъ. Что касается адреса, то онъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ докладѣ прочтень царемъ, и резолюція въ переводѣ съ

англійского гласить: „Я оставляю адресъ безъ вниманія. Я считаю его неумѣстнымъ, такъ какъ Нашъ Манифестъ 3-го февраля касается общаго законодательства Имперіи, а не мѣстнаго.“ Депутація отправилась назадъ, и возвращеніе ея домой было сигналомъ къ небывалымъ еще овациямъ. „Когда въ воскресенье вечеромъ“, говорить корреспондентъ англійской газеты, „длинный, специальный поѣздъ, задержанный на нѣсколько часовъ мятежцей, приблизился къ Гельсингфорскому вокзалу, не только платформы и залы, но и площадь передъ зданіемъ его были покрыты многочисленной толпою народа. Какъ только первый изъ delegatovъ показался изъ вокзала, кто-то на улицѣ затянула финскій національный гимнъ. Гимнъ былъ подхваченъ, голоса возвысились и разрослись, и сами зданія кругомъ стали, казалось, отвѣтывать на торжественные звуки. Толпа обнажила головы и разступилась передъ delegatами, пробиравшимися въ городъ, изъ котораго они лишь нѣсколько дней тому назадъ выѣхали въ тщетной надеждѣ уяснить царю впечатлѣніе, которое его дѣйствіе окказало на финскій народъ. Вечеромъ городскія власти дали банкетъ въ честь депутатіи, и ораторы отъ имени націи выразили благодарность ея членамъ, которые остали далекія пепелища для того, чтобы сообщить монарху желаніе и надежды народа.“

Въ общемъ можно сказать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, абсолютно изолированныхъ имеловихъ попытокъ со стороны такихъ лицъ, какъ г. Стэдъ, — оправдать царскій манифестъ, вся зарубричная пресса, безъ исключенія, и всѣ политическія общества безъ различія оттѣнковъ и направленій отнеслись къ нему отрицательно. Несомнѣнно, негодованіе, вызванное имъ, еще усилилось въ виду того, что онъ явился почти наканунѣ Гаагской конференціи, созванной по инициативѣ царя. Появляется всюду рядъ изданий по финляндскому вопросу. Такъ въ Англіи сразу возникъ специальный журналъ, посвященный финляндскому вопросу, а одновременно и всѣдѣ за нимъ стали помѣщаться въ газетахъ и журналахъ многочисленныя корреспонденціи и статьи, въ родѣ приведенныхъ выше. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ 1899 г., появилась книга г. Фишера подъ заглавиемъ „Финляндія и царіи“, которая сразу наплыла себѣ

обширный кругъ читателей. Во Франціи стали появляться памфлеты и брошюры, изъ которыхъ заслуживаетъ особенного упоминанія книжка Рене Плю (Риаух) съ предисловіемъ Анатоля Франса. Такоже и въ Америкѣ появилась рѣзкая брошюра подъ заглавіемъ „Русское вѣроломство въ Финляндії“, изданная вновь основаннымъ „Финно-американскимъ центральнымъ комитетомъ Нью-Йорка для протеста противъ russификації Финляндії.“ Но всего, чтò появилось тамъ и здѣсь, не перечислишь; не перечислишь также и тѣхъ сочувственныхъ собраний, которыя имѣли мѣсто въ разныхъ мѣстахъ Европы. Мы уважаемъ лишь на большое собраніе въ Антверпенѣ „Всеобщей Голландской Лиги“ подъ предсѣдательствомъ проф. Поля де Мона, на которомъ держали сочувственныя Финляндіи рѣчи представители различныхъ политическихъ и религіозныхъ течений; на собраніе Литературного и Социального Кружка въ галлереяхъ королевскаго общества британскихъ художниковъ въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ пастора Генри Митчелла; на массовой митингѣ Кингслэндскаго воскреснаго общества, на которомъ говорила известная г-жа Орлвестонъ Чантъ; на формальное сочувствіе финской прессѣ, выраженное въ специальной резолюціи съѣзда журналистовъ въ Римѣ; на протестъ противъ царскаго манифеста, выраженный сепаратистской партіей въ Барселонѣ и подписанный 34-мя обществами и группами и редакціями десяти газетъ; на большое публичное собраніе въ Брюсселѣ, при участіи многихъ профессоровъ университетовъ, на которомъ было выражено сочувствіе Трансваалю и Финляндіи, и, наконецъ, на интерпelaцію извѣстнаго депутата въ британскомъ парламентѣ, въ которой тотъ, изложивъ содержаніе военнаго законоиспроекта, предложеннаго царемъ на разсмотрѣніе сейма, и указавъ на его очевидное и вопиющее противорѣчіе буквѣ и духу реокрипта о мирѣ, спрашиваетъ правительство, не считаетъ ли оно нужнымъ войти по этому поводу съ представлениемъ къ царю?

Но самимъ замѣчательнымъ инцидентомъ, вызвавшимъ царскімъ манифестомъ, было составленіе международнаго адреса съ цѣлью поддержать финляндцевъ путемъ торжественнаго заявленія всеобщаго сочувствія имъ. Идея о подать царю международнаго адреса зародилась, вѣроятно, одновременно въ разныхъ странахъ. Ее подхватили лучшіе люди науки и литературы

Европы, и въ самое короткое время составились адреса, и собрано было 1050 подписей. Перечислить послѣднія нѣтъ, конечно, никакой возможности; можемъ лишь упомянуть среди англійскихъ имена Листера, Кортни, Вестлэка, Спенсера, Рамзея, Джемса, Сѣлли, Лесли Стивена, Флоренсъ Найтингэль, Тейлора, Кэрда, Дайси, Поллока, Сиджвика, Сандерсона, Торникрофта, Фостера, Джебба, Маршалля, Мэтлэнда, Джона Мёррея, Гейки, Эварда Фрая, Ходжкина, Роско, Риса Дэвидса и др.; среди французскихъ — Гастона Пари, герцога Брольи, Сюлли Прюдомма, Жюля Кларети, Эмиля Золя, Анатоля Франса, Трапье, Бутри, Лависса, Леруа-Болье и др.; среди нѣмецкихъ — Моммсена, Вирхова, Геккеля; среди норвежскихъ — Бьериона, Нансена, Ибсена; среди шведскихъ — бар. Норденськовъда, среди датскихъ — Брандеса, среди итальянцевъ — Ломброзо, де Амичиса, Кардуччи, и среди голландскихъ — ванъ Эйнеса, Саворнина-Ломана, графа Биландта и др. Текстъ адресовъ, естественно, варіировался для каждой страны, хотя и построенъ былъ на одной и той же основѣ. Вотъ текстъ французского адреса въ переводѣ:

„Его Императорскому Величеству Царю Самодержцу всея Россіи, Великому Князю Финляндскому и пр. и пр.

„Мы, нижеподписавшиеся, просимъ Ваше Величество позволить намъ почтительнѣше выразить то чувство скорби и удивленія, которое мы испытали при чтеніи петиціи отъ 21-го февраля 1899 г., въ которой больше полумилліона финляндцевъ просятъ Ваше Величество сохранить въ цѣлости права и привилегіи, гарантированныя странѣ ихъ императоромъ Александромъ I на сеймѣ въ Борго въ 1809 г., а затѣмъ по фредриксгаленскому договору, и подтвержденныя всѣми императорами Россіи при вступлениі на престолъ.

„То самое обстоятельство, что мы принадлежимъ къ дружественной и союзной съ Россіей націи, обазываетъ насъ убѣдительно просить Ваше Величество внять мольбамъ финляндскихъ нашихъ подданныхъ и тѣмъ еще больше возвеличить всестороннее удивленіе, внушенное міру высокими гуманными чувствами, которыми Вы выражали въ реекрипѣ, поведнемъ къ нынѣ засѣдающей въ Гаагѣ конференціи.

„Мы, нижеподписавшиеся, надѣемся, что Ваше Величество дойметъ и извинитъ сдѣянный нами шагъ, и просимъ Васъ принять укѣреніе въ глубокомъ нашемъ уваженіи.“

Англійскій адресъ, по существу такой же, какъ французскій, заканчивался слѣдующими словами:

„Намъ, какъ и всѣмъ поклонникамъ просвѣщенныхъ взглядовъ Вашего Величества, было бы чрезвычайно жаль, если бы недавнія события въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ задержали дѣло дружественнаго сближенія цивилизованныхъ народовъ, которое въ лицѣ Вашего Величества нашло столь высокаго поборника.“

Этотъ международный адресъ первоначально рѣшено было послать съ депутацией изъ представителей одиннадцати европейскихъ государствъ, по одному изъ каждого; но въ послѣднюю минуту оказалось, что не всѣ они могутъ поѣхать, и delegація составилась изъ 6 человѣкъ. Эти члены были: Трапье, сенаторъ и бывшій французскій министръ юстиціи, Эмильо Бруса, проф. международнаго права въ Туринѣ и бывшій президентъ Международнаго Института права, В. ванъ деръ Флюгтъ, проф. юриспруденціи въ Лейденѣ, проф. Шинней изъ Буда-Пешта, В. Брѣггеръ, деканъ историч. факультета Христіанійскаго университета, и Норманъ Гансенъ, директоръ офтальмологической клиники въ Копенгагенѣ. Они прибыли въ Петербургъ 14-го июня и, послѣ разныхъ мѣтарствъ и скитаній по вѣдомствамъ и министерствамъ, были приглашены на банкетъ, на которомъ имъ и сообщили, что царь ни ихъ самихъ, ни ихъ адреса не считаетъ нужнымъ принять. Такъ не удалась и вторая попытка коллективнаго протеста.

Но нравственное значеніе этого замѣчательнаго инцидента не могло пропасть даромъ. „Нѣкоторыя газеты“, говорить въ обширной статьѣ по поводу неудавшіяся депутаціи одинъ изъ ея членовъ, проф. Брѣггеръ, „выразили мнѣніе, будто адресъ не достигъ цѣли, потому что депутація не была принятѣ царемъ. Это мнѣніе, однако, основывается на непониманіи того, что собственно ожидалось. Ни у тѣхъ, которые подписали адреса, ни у членовъ депутаціи не было, за немногими, быть можетъ, исключеніями, серьезной надежды добиться аудіенціи у царя... Вѣроятно, что офиціальный отчетъ о содержаніи адресовъ, дошедшій до царя, не совсѣмъ былъ вѣрный; но несомнѣнно, что такое рѣшительное заявленіе своего мнѣнія со стороны тысячи слишкомъ представителей западной культуры, подписанное почти всѣми выдающимися людьми ученаго міра, оставить

за собою слѣдъ, если уже не оставилъ. Эта цифра уже сама по себѣ необычайно велика, если принять въ соображеніе, что подписи были набраны исключительно въ рядахъ высшей умственной культуры. Можно смѣло сказать, что никогда еще въ исторіи человѣчества никакой международный документъ не былъ подписанъ столькими выдающимися личностями.

„Адреса, которые проф. ванъ деръ Флюгтъ взялъ съ собою въ Голландію для сохраненія въ тамошнихъ архивахъ, когда-нибудь, навѣрное, признаны будутъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ. Международное заявленіе, въ которомъ принали участіе самые выдающіеся люди большей части Европы съ цѣлью просить, чтобы силь не позволено было занять мѣсто права, отмѣщаетъ на исходѣ нашего неидеалистического вѣка съ его материализмомъ и милитаризмомъ такое замѣчательное введеніе въ новой эрѣ, что тотъ, кто въ состояніи разобрать первые слабые звуки новыхъ течений, не можетъ не считать надежды, что нынче въ первый разъ сдѣланъ быдъ шагъ впередъ на почвѣ, въ основѣ которой до сихъ поръ лежали принципы, принадлежащиѣ давно прошедшему времени.“

Подобное же нравственное значеніе придаетъ этому инциденту статья въ одной изъ главныхъ англійскихъ газетъ „Daily Chronicle.“*) „Друзья Финляндіи,“ говорить она: „или, если угодно, друзья всеобщей свободы сдѣлали все, что могли. Но они потерпѣли пораженіе... Знаменитости, которыхъ щѣхали въ Петербургъ затѣмъ лишь, какъ оказалось, чтобы участвовать въ погребальной процессіи одного изъ послѣднихъ маленькихъ народовъ, дѣйствовали чрезвычайно осторожно. Мы не думаемъ, чтобы великие юристы и общественные дѣятели, которые присвоили своимъ именамъ имена самыхъ выдающихся ученыхъ нашего столѣтія, позволили бы себѣ сдѣлать воззваніе не въ достаточно приличной формѣ или формѣ, не подходящей для данного случая. Петиція ссылается на дѣйствіе царя, созвавшаго мирную конференцію, поздравлять его съ благотворной идеей, и просить его не разрушать вѣрачѣе молодовъ конференціи лишеніемъ Финляндіи са вольностей. Все это вполнѣ умѣстно, и, если бы императоры, доступнимъ были соображеніямъ

*) „Daily Chronicle“, 13 июля 1899 г.

логики, возвзваніе не должно было бы упасть на каменистую почву... Но гораздо лучше, чтобы либерализмъ и интеллекть Европы были представлены у ногъинъ мужественнаго и великодушнаго народа, нежели чтобы эта трагедія совершилась при всеобщемъ молчаніи. Въ виду этого протеста, къ которому присоединились всѣ наиболѣе извѣстныя имена Европы, весь цѣтъ университетовъ, нельзя будетъ сказать, что при кончинѣ Финляндіи болѣе счастливые народы стояли въ сторонѣ и выражали одобрение . . . ”

И финляндцы это поняли. Когда делегаты возвращались черезъ Финляндію домой, имъ устраивали такія овации, какъ если бы они были побѣдители, а не побѣжденіе. „На всѣхъ станціяхъ,” разсказываетъ Брёггеръ, „на которыхъ останавливались наши поѣзды, стояли толпы народа и выражали намъ свою благодарность пѣснями и цвѣтами, рѣчами и рѣкоплесканіями. Нашъ вагонъ былъ буквально покрытъ цвѣтами, равно какъ и нашъ пароходъ изъ Або. Больше всего я былъ пораженъ крестильнами, которые обступали полотно Желѣзной дороги, часто даже между станціями, чтобы привѣтствовать несшійся мимо нихъ поѣздъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ лѣсу, въ первомъ часу ночи я пріимѣтилъ двухъ стариковъ, стоявшихъ съ обнаженной головою и кричавшихъ намъ привѣтствія, когда мы мчались мимо. Ихъ суровыя лица и слезы на глазахъ свидѣтельствовали объ ихъ волненіи. Ничто не могло быть трогательнѣе вида этихъ двухъ одинокихъ фигуръ, стоявшихъ тамъ, въ лѣсу, и размахивавшихъ руками въ блѣдномъ освѣщеніи лѣтней ночи.“ Во всѣхъ городахъ, гдѣ они останавливались, въ Гельсингфорсѣ, Або и др. мѣстахъ, ихъ привѣтствовали гимнами и банкетами, а въ Стокгольмѣ проф. Миттагъ Леффлеръ далъ въ честь ихъ парадный обѣдь, на которомъ Трапье произнесъ великолѣпную рѣчу.

Остается добавить, что въ сентябрѣ, когда императоръ гостилъ въ Стокгольмѣ, Норманъ Гансенъ обратился къ нему черезъ прессу съ открытымъ письмомъ, въ которомъ излагалъ мотивы, побудившіе депутацію къ такому необыкновенному шагу, какъ вынѣшательство въ русско-финскія отношенія, и повторилъ просьбу, выраженную въ адресѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ происходила вышеописанная агитация въ Финляндіи и за-границей, финскій сеймъ въ специальныхъ комиссіяхъ лихорадочно занимался обсужденіемъ царскихъ предложенийъ о пересмотрѣ Устава о воинской повинности и о реорганизаціи финскихъ войскъ. 27-го мая 1899 г. онъ окончилъ свои труды и представилъ свой Отзывъ Государю. Это — довольно объемистый томъ въ 37 печатныхъ листовъ русского текста, который вскорѣ появился за-границей во французскомъ, немецкомъ и англійскомъ переводахъ. Въ виду важности этого документа, и такъ какъ онъ уже изъятъ изъ обращенія въ публикѣ, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ его содержаніемъ.

Какъ известно, Высочайшія предложения, поступившия на обсужденіе земскихъ чиновъ Финляндіи, формулируютъ задачу ихъ по данному вопросу иначе, нежели это было принято до сихъ поръ: вместо всестороннаго разсмотрѣнія съ правомъ вносить поправки, т. е. законодательного участія въ выработкѣ закона-проекта, они требуютъ лишь заключенія, т. е. простого выраженія своего мнѣнія. Это является такимъ рѣзкимъ нарушеніемъ обычной процедуры, что къ Высочайшимъ предложениямъ ихъ авторы нашли нужнымъ приложить рядъ документовъ, будто бы показывающихъ, что примѣнившееся до сихъ поръ право финскаго сейма участвовать въ законодательствѣ о воинской повинности ни на чёмъ не основано.

Земскіе Чины въ своемъ Отзывѣ вполнѣ естественно останавливаются прежде всего на этомъ пунктѣ, затрагивающемъ основной конституціональный вопросъ. На 25-ти страницахъ послѣдняго отдана своего Отзыва они опровергаютъ одно за другимъ приложенія къ законопроекту положенія, утверждающія некомпетентность финляндскаго сейма въ дѣлѣ выработки военного законопроекта, и доказываютъ, что „воинскій уставъ можетъ быть измененъ только по согласному рѣшенію Государя Императора и Земскихъ Чиновъ“. Отсюда уже вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе, что измененіе въ процедурѣ, вносимое высочайшими предложениями, является правонарушеніемъ финскаго народа и что „Земскіе Чины не могутъ ограничить свое участіе представлениемъ только заключенія, выражающаго иное ихъ о предполагаемыхъ измѣненіяхъ“.

Согласно съ этимъ, Земскіе Чины, оставляя въ сторонѣ пред-

ложењі Государя, развивають свой проектъ. Прежде всего идетъ установка общихъ принциповъ: „Отвѣчаютъ ли нынѣшнія жертвы Финляндіи на дѣло обороны требованиямъ, которыя, съ точки зрењія общихъ интересовъ россійского государства, то справедливости могутъ быть предъявлены къ Великому Княжеству?“ Что касается численности, то, повидимому, нѣтъ: „находящіяся въ Финляндіи въ мирное время вооруженный силы, слѣдовательно, также контингентъ, который Финляндія во время войны можетъ выставить для защиты государства, представляется сравнительно незначительными“. Въ виду этого Земскіе Чины находять естественнымъ и справедливымъ постепенное значительное увеличеніе численности финскихъ войскъ. Что же касается единобразія въ подготовкѣ и организаціи войскъ, то даже поверхностный взглядъ на предметы и приемы обучения, на распределеніе занятій, на различные уставы — гарнизонный, дисциплинарный и др., и, наконецъ, на вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе, показываетъ, что вплоть до мельчайшихъ подробностей между финскими и русскими войсками нѣтъ сколько-нибудь существенной разницы. Нозначить ли это, что между обѣими арміями существуетъ вполнѣ тождество? Конечно, нѣтъ, да оно и не должно быть: „нижъ оба устава сходятся въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой сообразованы съ реальными условіями, къ которымъ они должны примѣщаться; создаваемъ же тождественныхъ законовъ для разнородныхъ условій достигалось бы одно только механическое единобразіе, въ ущербъ нормальной длительности учрежденія воинской повинности въ Финляндіи; и, слѣдовательно, также во вредъ военнымъ интересамъ государства“. Между тѣмъ именно въ такому механическому единобразію стремится измѣненія, предлагаемыи въ царствѣ законопроектъ и исходящіи изъ политическихъ мотивовъ. Сюда, напримѣръ, относится предоставление сокращенного срока службы, которымъ полагаются лица, принадлежащи по степени образованія къ первому разряду, лишь тѣль, кто представитъ удостоеніе вѣреніе, между прочимъ, и въ знаніи русскаго языка: „Земскіе Чины не умаляютъ значения въ Финляндіи русскаго языка... Но имѣя въ виду, что обыватели Финляндіи и Россіи принадлежатъ къ совершенно различнымъ народностямъ, каждому, кто понимаетъ значение этого этнографического различія, и тѣль, боязъ каждому, кому известна непреклонность финскаго народа,

наго характера, становится понятнымъ, что русскій языкъ никогда не можетъ получить общаго распространенія въ этомъ краѣ . . . Изъ этого вытекаетъ, что намѣченная въ проектѣ устава о воинской повинности принудительныя мѣры къ распространенію въ Финляндіи русскаго языка не приведи бы къ ожидаемымъ результатамъ. Но, помимо безуспѣшности ихъ, подобныя мѣры должны быть отвергнуты, въ особенности, если они несправедливо будуть связаны съ воинской повинностью, исполненіе которой есть общая гражданская обязанность, а не родъ занатій, избираемый по собственному усмотрѣнію каждой отдельной личности. И не подлежитъ сомнѣнію, что если бы закономъ были установлены положенія, подобныя тѣмъ, о которыхъ Земскіе Чины адѣль въисказывались въ отрицательномъ смыслѣ, то финскій народъ, который съ незапамятныхъ временъ участвовалъ въ законодательствѣ и, вслѣдствіе этого, проникся мыслью, что основаніемъ и цѣлью закона должна служить правда, усмотрѣть бы въ такомъ вѣтвіи насилиственную попытку измѣнить национальный духъ Финляндіи, а отнюдь не заботливое попеченіе о пользахъ края, которое должно характеризовать мѣропріятія законодателя“.

„Въ зависимости отъ глубоко укоренившихся этическихъ оснований,“ продолжаетъ Отзывъ по поводу того же пункта о сліяніи обѣихъ армій, „патріотизмъ во всѣ времена ограничивался известными естественными и историческими предѣлами, которые не могутъ быть измѣнены никакими новеллами. Великое Княжество Финляндское есть отчество финнцевъ, подобно тому, какъ Россійская имперія есть отчество русскихъ. Но такъ какъ Финляндія, состоя въ неразрывномъ соединеніи съ Имперіей, составляетъ часть единой въ международномъ отношеніи державы — россійского государства, то финскій народъ никогда не можетъ осуществить патріотического долга — защищать отчество иначе, какъ участвуя въ защитѣ всего государства, безразлично, ведется ли война въ предѣлахъ Финляндіи или въ єя. Это вполнѣ соотносится въ Финляндіи. Но изъ этой солидарности передъ иностранными державами вовсе не слѣдуетъ, что существовавшее до сихъ поръ различіе между финскими и русскими войсками должно быть уничтожено. Финскія войска будутъ успѣшнѣе исполнять свое назначение на войнѣ, сознавая себя представителями своего народа и зная, что мужественнымъ

исполнениемъ долга передъ Монархомъ и государствомъ, они также приносятъ честь своему финнскому отечеству. Прѣобрѣтенная обученіемъ боевая подготовка тогда еще больше увеличится нравственной силой, порождаемою патріотизмомъ. Скромное участіе Финляндіи въ оборонѣ россійского государства всегда будетъ болѣе дѣйствительнымъ, если финскія войска по прежнему останутся самостоятельными, чѣмъ если бы они, съ нарушеніемъ дѣйствующаго строя, были слиты съ арміей Имперіи".

На основаніи этихъ общихъ принциповъ Земскіе Чины не находятъ возможнымъ согласиться съ измѣненіями, предложенными въ царскомъ законопроектѣ, и выставляютъ отъ себя рядъ другихъ измѣненій. Право финнляндцевъ отбывать ^{обязательную} воинскую повинность исключительно въ предѣлахъ своего края они оставляютъ неприкосновеннымъ, исходя изъ различныхъ соображеній юридического, этическаго и гигієническаго свойства. Во-первыхъ, говорятъ они, финнляндскіе граждане, вынужденные служить въ русскихъ войскахъ, были бы лишены права подчиняться собственнымъ законамъ края и судиться по нимъ, — чтѣ было бы нарушеніемъ основныхъ законовъ финнляндской конституціи. Во-вторыхъ, они очутились бы въ чуждой обстановкѣ, не понимая языка и различаись въ религіи, нравахъ, обычаяхъ, характерѣ и міровоззрѣніяхъ, — а это страшно отзывалось бы на ихъ положеніи и самочувствії и легко развивало бы въ нихъ озлобленість и отчаяніе, создавая почву для пьянства и всякихъ преступленій. Въ-третьихъ же, они неизбѣжно пострадали бы физически отъ непривычки къ условіямъ питания въ чужомъ краѣ. „Воинская повинность", говорить Отзывъ: „тяжелая обязанность для всѣхъ, кто не имѣть особенной склонности къ военной службѣ. Великая задача пещись обѣ оборонѣ отечества даетъ государству право возлагать эту тягость на гражданъ. Но усугубленіе тягости воинской повинности сверхъ необходимой мѣры не находить себѣ никакого нравственного оправданія".

Точно такъ же безъ измѣненія оставляютъ Земскіе Чины и общий трехгодичный срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ. Они основываются при этомъ на соображеніяхъ какъ спешально военныхъ, такъ и экономическихъ и соціальныхъ. Они указываютъ на то, что увеличеніе срока службыило бы въ разрѣзъ и съ ходомъ развитія современныхъ системъ обороны во всѣхъ

европейскихъ государствахъ, гдѣ общіе сроки службы понижаются до трехъ и даже до двухъ лѣтъ, и съ собственнымъ ономастомъ Финляндіи, гдѣ трехлѣтній срокъ службы оказался болѣе чѣмъ достаточнымъ для образования хорошихъ солдатъ... Кромѣ того, говорятъ они, увеличеніе срока отразилось бы неблагоприятно на экономическомъ развитіи края, такъ какъ молодые люди, отвлекаемые на такое продолжительное время отъ производительного труда, теряли бы навыкъ къ работѣ.

Обращаясь затѣмъ къ сообщенной Земскими Чинамъ формѣ присяги, Отзыѣ указываетъ на то, что „она не содержитъ встрѣчающагося въ существующей формѣ присяги обѣщанія повиноваться действующимъ въ Финляндіи законамъ и постановленіямъ и исполнять обязанности, возлагаемыя на финляндскихъ гражданъ, состоящихъ на службѣ края, а зато заключаетъ въ себѣ обѣщаніе защищать общественный строй Великой Имперіи. Слѣдовательно, въ ней вовсе не принятъ въ уваженіе особый правовой и общественный строй Финляндіи и обязательства по отношению къ родному краю и его законамъ, лежащія на каждомъ, кто поступаетъ на службу страны. Принесеніе воинской присяги по новой формѣ, примѣненной исключительно къ законамъ Имперіи, такимъ образомъ было бы равносильно непризнанію существованія собственного отечества, понятіе о которомъ все-таки служить этическою основою воинской повинности, а также непризнанію законовъ края, равно какъ обычаевъ и правовыхъ возврѣній народа“. Земскіе Чины рѣшительно отвергаютъ предлагаемую форму присяги и настаиваютъ на сохраненіи существовавшей до сихъ поръ.

Такъ же категорически высказываются они противъ предлагаемыхъ измѣненій въ главномъ начальствованіи надъ финскими войсками, въ финляндскомъ военномъ управлении, въ компетенціи военного министра и въ личномъ составѣ офицеровъ. Они видятъ въ нихъ попытку уничтожить чувство національности финской арміи и подобнымъ анализомъ показываютъ, что результатомъ этого было бы лишь ослабленіе силы и значенія. Зато Земскіе Чины, какъ мы уже упоминали, выражаютъ свою готовность увеличить ея численность, но не въ пропорціональномъ отношеніи къ численности русской арміи, а лишь до 12-ти тысячъ человѣкъ. „Въ мирный составъ русской арміи“, говорятъ они, „входитъ приблизительно 8 человѣкъ съ каждой тысячи

народонаселенія. Въ случаѣ установлениія этой нормы для Финляндіи, численность войскъ въ мирное время должна быть определена приблизительно въ 20 тысячъ человѣкъ. Но содержаніе столь многочисленной вооруженной силы истощило бы финансы края, и замѣчаемый уже теперь недостатокъ рабочихъ рукъ увеличился бы до того, что экономическая дѣятельность очутилась бы въ крайне стѣсненномъ положеніи... Увеличеніе до 12 тысячъ человѣкъ — слишкомъ вдвое противъ нынѣшняго мирнаго состава — представляется возможнымъ, безъ тяжелыхъ финансовыхъ и экономическихъ нарушений, только при томъ условіи, что оно будетъ осуществлено постепенно въ теченіе не менѣе девяти лѣтъ". Само собою разумѣется, что преимущественное назначение финскаго войска для защиты одной лишь Финляндіи остается въ полной силѣ.

На этомъ заканчивается критическая и конструктивная часть Отзыва Земскихъ Чиновъ отъ 27-го мая 1899 г. Мы не станемъ приводить содержаніе приложенийъ къ этому Отзыву, заключающихъ въ себѣ различные техническія соображенія по поводу Высочайшихъ предложеній, а приведемъ лишь заключеніе Отзыва, гдѣ Земские Чины говорятъ объ „обстоятельствахъ, въ виду которыхъ финскій народъ придерживается и долженъ придерживаться свяности своихъ законовъ".

„Нельзя упускать изъ вниманія, что финскій народъ отличается отъ русскаго въ отношеніи религіи, языка, нравовъ и культуры. Еще въ то время, когда Финляндія составляла часть шведскаго государства, безъ отдѣльной отъ него организаціи, было ясно, что жители Финляндіи образовали собою особую націю. Что финскій народъ такимъ образомъ, вслѣдствіе историческаго развитія въ продолженіе многихъ вѣковъ, сложился въ отдѣльную отъ другихъ націй единицу, не есть результатъ человѣческихъ расчетовъ, человѣческой воли или человѣческой власти, а скорѣѣ доказывается, что и этому народу предначертана особая задача, которую онъ, какъ народъ, долженъ по возможностіи исполнить... И это служить для финскаго народа, какъ и для всякаго другого, находящагося въ такомъ же положеніи, внутреннимъ, хотя и не всегда ясно сознаваемымъ основаніемъ къ тому, что онъ, пока не погибъ нравственно, старается и въ тяжелыя времена сохранить свое национальное существованіе. Этимъ также объясняется, почему подобныя стремленія, —

когда для осуществления ихъ не прибегали къ незаконнымъ средствамъ, — всегда считались благородными и возвышенными...

„Къ этому нужно еще прибавить значение святости закона.

„Безъ защиты со стороны закона, всякому народу трудно будетъ усугбывать въ свою развитіе, и ни одинъ народъ не будетъ чувствовать себя спокойнымъ, когда ему будетъ грозить примененіе къ нему чужого права . . .

„Для финского народа, вынужденного бороться съ препятствіями, порождаемыми для культуры холоднымъ климатомъ сѣвера и скучной почвой страны; борьба эта будетъ вдвое тяжелѣе, если нельзя будетъ вести ее съ союзниками святости закона, унаследованного отъ предковъ и соответствующаго правовому воззрѣнію народа, ибо народъ не можетъ менять правового воззрѣнія, образованнаго въ теченіе столѣтій. Опасенія за собственные законы и правовой строй, проявляющіяся у народа въ его нынѣшнемъ положеніи, такъ естественны, что они, казалось бы, не могутъ быть невѣроистолкованы тѣми, кто безъ предубѣжденія и предвзятыхъ подозрѣній пожелаютъ вникнуть въ это положеніе и кто притомъ чтуть собственныхъ национальныхъ преданій“.

Земскіе Чины кончаютъ тѣмъ, что предлагаютъ на усмотрѣніе Его Величества измѣненный ими Уставъ и просятъ, въ случаѣ неодобренія, возвратить его имѣсть съ поправками для вторичнаго обсужденія.

Этотъ Отзывъ былъ уже почти выработанъ, когда на разсмотрѣніе Сейма поступило новое Высочайшее предложеніе объ „уравненіи личной и военно-финансовой тягости воинской повинности въ Финляндіи съ таковою же въ Имперіи“. Немедленно былъ выработанъ дополнительный Отзывъ отъ 29-го мая 1899 г., въ которомъ кратко и ясно заявляется, что вопросы, затрагиваемые въ новыхъ предложеніяхъ, не могутъ, согласно доводамъ, представляемымъ въ главномъ Отзывѣ, быть переданы Земскими Чинамъ лишь на заключеніе въ порядкѣ, установленномъ февральскимъ манифестомъ. Приведя дальнѣйшія доказательства беззаконности Высочайшаго дѣйствія, Земскіе Чины заявляютъ, что они не сочли возможнымъ „войти въ разсмотрѣніе Высочайшихъ предложенийъ по существу“. При этомъ они замѣчаютъ: „Никто, въ комъ живо сознаніе правды и справедливости, не можетъ осуждать Земскихъ Чиновъ за то, что они,

по скольку отъ нихъ зависитъ, заботится объ охраненіи правъ финскаго народа какъ нынѣшняго, такъ и будущихъ поколѣй. Вопрекъ касающейся устроевъ общественнаго строя края, сохранившихъ въ теченіе столѣтій. Финскій народъ не желаетъ уклоняться отъ исполненія своего долга; онъ только желаетъ, чтобы были сохранены и уважены законный и закономѣрный общественный строй, съ которымъ сросся этотъ народъ и который призналъ также монархами Россіи. Если бы даже образъ дѣйствія Земскихъ Чиновъ подвергался неѣрнимъ tolkovaniemъ въ родѣ тѣхъ, которыми въ изобилии встречались въ по-слѣднее время, то Земскіе Чины осмысливались надѣяться, что монархъ Финляндіи, внимая голосу финскаго народа, пойметъ положеніе его. Глубоко серьезны причины, побуждающія финскій народъ и Земскихъ Чиновъ края въ настоящую минуту представить своему Монарху, которому провидѣніемъ предна-значена высокая задача быть также верховнымъ хранителемъ правового порядка Финляндіи, свои заботы о будущности и вы-сказать свое твердоѣ убѣжденіе, что они, окраиня слѣтость своихъ основныхъ законовъ, исполняютъ свой долгъ передъ Монархомъ и отечествомъ".

По поводу законности этихъ Отзывовъ царь сдѣлалъ запросъ финляндскому сенату, и послѣдній впопытъ присоединился къ мнѣнію Земскихъ Чиновъ. Тогда они поступили на разсмотрѣніе русской военной комиссіи, а отсюда вмѣстѣ съ замѣчаніями финляндскаго генераль-губернатора перешли въ Государственный Совѣтъ, где находятся, повидимому, и подиесь. Внесеніе ихъ въ послѣднія двѣ инстанціи является нововведеніемъ, совершиенно незаконнымъ съ точки зрѣнія финляндскаго государственного права.

Остается еще упомянуть о рѣчахъ представителей сословій при закрытии сессіи сейма и о реескриптѣ, данномъ по этому поводу царемъ на имя генерала Бобрикова. Содержаніе первыхъ сводится къ заявлению лояльности и выраженію скорби по поводу царскихъ дѣйствій, а содержаніе второго — известное, впрочемъ, и изъ русской прессы — сводится къ выражению сожалѣнія по поводу того, что ораторы не раздѣляютъ царскихъ мнѣній и позволяютъ себѣ имѣть свои собственные ошибочные и не соотвѣтствующія истинному положенію дѣлъ. По поводу этого реескрипта „Times“ замѣчаетъ: „Ни финляндцы, ни ци-

вилизованій мірѣ не стануть смотрѣть на эти неопределенные царскія заявленія, какъ на отвѣтъ на доводы, покоящіеся на известныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ, которые каждый образованный человѣкъ можетъ добыть и взвѣсить. Подобныи заявленія могутъ имѣть вѣсъ у крестьянъ, глубоко погрязшихъ въ варварствѣ, или у людей, которые не откаживаются мыслить изъ болзни передъ тайной полиціей. У цивилизованныхъ народовъ Запада они могутъ только вызвать порицаніе и усмѣшку".*)

Во всей оппозиціи финляндскаго народа и его представителей послѣднимъ мѣропріятіямъ русскаго правительства мы не можемъ не отмѣтить необыкновенную лояльность по отношенію къ личности и сану монарха. Заявленія массового адреса, рѣчь Вольфа и отзыва Земскихъ Чиновъ проникнуты сознаніемъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, съ одной стороны, и чувствомъуваженія и довѣрія къ своему Великому Князю, съ другой. Несмотря на замѣчательное единодушіе всей народной массы, революціоннаго духа нѣтъ и въ поминѣ. На это обстоятельство многократно указывалось даже въ иностранной прессѣ. „Финляндія“, говорить корреспондентъ „Daily Chronicle“**), „ни единъ поступкомъ своимъ не заслужила своего наказанія. Ея народъ былъ лояленъ и доволенъ, и былъ бы однимъ изъ самыхъ счастливыхъ въ мірѣ, если бы не боязнь грядущаго. Нигилизма или революції тамъ нѣтъ и съѣда, да и никогда не было. Финляндія — страна прогрессивная, преданная дѣлу просвѣщенія и насквозь проникнутая демократическимъ и миролюбивымъ духомъ... Она будетъ стерта съ лица земли не за грѣхи свои, а за добродѣтели“. Совершенно то же констатируетъ одинъ компетентный финскій корреспондентъ въ письмѣ къ редактору „Finland“***). „Вѣрность монарху“, говоритъ онъ, „глубоко проникла въ финскій национальный характеръ и въ политическое міросозерцае народа. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ того, чтобы тучи недоразумѣнія между монархомъ и народомъ разсыпались и мы могли привѣтствовать нашего Государя, какъ истин-

*) Цитировано по „Finland“, 25 июня 1899 г.

**) „Daily Chronicle“, 1 марта 1899 г.

***) „Finland“, № 10, апрѣль 1900 г.

наго друга своего народа, какъ энергического защитника нашихъ законовъ. Мы искренне преданы нашему Монарху и Императорскому Дому, подъ ~~съны~~ котораго Финляндія прощѣтала, и мы обвинили бы всякаго, кто принесаль бы недавнія мѣры чему-нибудь иному, кромѣ злонамѣренныхъ наѣтовъ на насъ... Быть можетъ, Императоръ въ настящее время слишкомъ склоненъ слушаться окружающей его теперь реакционной партіи, но мы не можемъ перестать надѣяться, что въ концѣ концовъ лучшіе совѣты возьмутъ верхъ". Этой надеждой на то, что царь когда-нибудь внемлетъ голосу народа, и объясняется подача массового адреса и множество другихъ не столь крупныхъ поступковъ.

Особенно энергичнымъ поборникомъ русификаціи Финляндіи является генералъ Бобриковъ. До назначенія своего генераль-губернаторомъ Финляндіи генералъ Бобриковъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ качествѣ русификатора Прибалтийского края. На своемъ новомъ посту онъ сталъ употреблять прежніе пріемы и своими безчисленными *карточками* и притѣсненіями въ важныхъ и мелкихъ случаяхъ старался, повидимому, довести финляндцевъ до открытаго возмущенія. Было бы трудно перечислить всѣ тѣ поступки, которыми онъ старался раздражать терпѣлихъ финляндцевъ. Такъ, напримѣръ, онъ ходатайствовалъ передъ военнымъ министромъ о запрещеніи оркестрамъ финскихъ полковъ играть національный финскій гимнъ и національные марши; сдѣлалъ однажды запросъ относительно того, иправда ли, что на мѣстныхъ бѣгахъ въ одномъ городѣ вывѣшены были національные цвѣта Финляндіи и т. д.*)

Но особенно оскорбительно было для финляндцевъ введеніе Бобриковымъ шпіонской системы. Онъ рѣшилъ создать при

* Въ еще два примѣра. Въ финляндскій сенатъ поступило требование отъ генераль-губернатора показывать виновному на мѣстныхъ лютеранскихъ пасторовъ за то, что "въ нѣкоторыхъ лютеранскихъ церквиахъ были сдѣланы неумѣстныя замѣчанія, не относящіяся къ христіанской проповѣди и касающіяся политического положенія Финляндіи". Однѣ изъ пасторовъ имѣлъ дерзость отвѣтить, что онъ не отвѣтствуетъ генераль-губернатору за содержаніе своихъ проповѣдей и что, когда на него возвѣдется обвиненіе, онъ имѣетъ право въ точности узнать составъ совершенного имъ проступка, равно какъ и имя обвинителя. — Къ управляющему одного Гельсингфорсскаго банка явился москвичъ отъ Бобрикова. "Мы поручено спросить васъ", начали они, "правда ли, что вчера флагъ на вашемъ банкѣ развѣялся на полуничтоженіи?" — "Совершенно вѣрно", отвѣтилъ изумленный банкиръ, "я вѣдѣль спустить флагъ на половину по случаю смерти президента падаты горожанъ". — "Но намъ говорили", замѣтилъ тогда агентъ, "что вашъ флагъ не былъ спущенъ по случаю смерти Великаго Князя". На это тотъ могъ лишь отвѣтить, что онъ ничего про это не знаетъ, такъ какъ тогда онъ какъ-разъ былъ въ отѣздѣ.

себѣ постъ чиновника, „долгомъ котораго было бы, при помощи благовадежныхъ лицъ, наблюдать за событиями въ Великомъ Княжествѣ, дабы тѣмъ избѣгать и устранить недоразумѣнія“. Шпионы не стѣснялись подкупать маленькихъ дѣтей на улицѣ съ тѣмъ, чтобы выведать, что говорятъ ихъ родители у себя дома или ихъ учителя въ школѣ, а иногда прибѣгали къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ, во время торжественнаго открытия памятника Александру II, котораго финляндцы высоко чтутъ, произошелъ слѣдующій случай: во время церемоніи внезапно возникла ссора между двумя солдатами, кончившаяся дракой; одинъ изъ нихъ былъ финскій солдатъ, другой русскій. Немедленно дано было знать полиції, и при разсѣдованіи дѣла оказалось, что оба человека не что иное, какъ русскіе жандармы, переодѣтые одинъ въ русскій, другой въ финскій мундиръ, и получившие приказаніе пропасти безпорядки, для того, чтобы доказать „невѣрность“ Финляндіи.

Мы приведемъ здесь одинъ интересный фактъ, иллюстрирующій дѣятельность Бобрикова въ этомъ направленіи.

Почти одновременно съ февральскимъ манифестомъ стали по всей странѣ, но особенно по глухимъ деревнямъ, появляться какіе-то татарскіе продавцы и русскіе прасолы, которые между дѣломъ распространяли среди народа слухи о новой эрѣ, должнаствующей въ скромѣ времена наступить въ Финляндіи, когда налоги будутъ сняты, земля у помѣщиковъ выкуплена и подѣлена между крестьянами и, словомъ, когда безземелье станетъ воспоминаніемъ прошлаго. Но финляндцы скоро поняли, въ чёмъ дѣло. Немедленно было основано нѣсколько обществъ при участіи высшей интеллигентіи страны, и повсюду стали разъѣзжать лекторы и распространяться листки, брошюры и пр., съ объясненіемъ настоящаго положенія дѣль въ Финляндіи и Россіи, истолкованіемъ смысла распускаемыхъ слуховъ и изложеніемъ основныхъ законовъ страны. Это оказало значительное противодействие агитации провокаторовъ; но такъ, какъ влияніе этихъ обществъ все-таки было медленное, то прибыли были болѣе энергическіи мѣры. Инициативу взяли на себя нѣкоторые приходы, которые поставили выдавать изъ имѣющихся у нихъ распоряженій суммы по 50 марокъ за поимку агитатора на мѣстѣ преступленія и наказывать штрафомъ всякаго, укрывающаго этихъ людей, либо не доносившаго на нихъ. Дѣйствіе этого постановленія было

магическое: черезъ нѣсколько дней всѣ провокаторы въ странѣ, въ числѣ 300 человѣкъ, уѣхали въ Петербургъ однимъ и тѣмъ же поѣздомъ.

Тогда Бобриковъ рѣшилъ уничтожить тѣ самыя общества „Распространенія образованія въ народѣ“, которыхъ въ данномъ случаѣ были виновны въ его неудачѣ. Онь поспѣшилъ въ Петербургъ и добился отъ царя резолюціи о „нежелательности, въ виду беспокойнаго состоянія страны, основанія новыхъ обществъ вплоть до 1901 года“. Другими словами, отаниѣ, прежде чѣмъ основать общество, лица, заинтересованны въ немъ, обязаны выхлопотать разрѣшеніе у генераль-губернатора и утвержденіе имъ устава. Въ противномъ случаѣ, оно нелегально. Этимъ нанесенъ былъ новый ударъ одной изъ основныхъ вольностей Финляндіи, допускавшей свободу ассоціаціи въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Но этого мало. Много обществъ, нежелательныхъ для русскаго правительства, уже было основано,— и вотъ въ различнѣхъ учрежденіяхъ — въ томъ числѣ и сенатѣ — разсылаются циркуляры за подпись помощника генераль-губернатора Шинова съ требованіемъ „употребить всѣ старания, чтобы положить предѣль дѣятельности многихъ обществъ и частныхъ лицъ, разыѣзжающихъ по Финляндіи и подстрекающихъ народъ къ неповиновенію мѣропріятіямъ верховнаго правительства“.

Естественно, что преслѣдованіемъ обществъ гоненіе на свободное слово не ограничивается. Въ самое послѣднее время Бобриковъ, при посредствѣ министра-секретаря Плеве, представилъ на утвержденіе царя законъ, запрещающей всякия публичные собрания, сборища, рѣчи и пр. безъ специального всякій разъ разрѣшенія генераль-губернатора. Это опять-таки есть нарушение законодательной процедуры, — тѣмъ болѣе яркое, что вопросъ тутъ уже рѣшительно мѣстный, финляндскій; но царь этотъ законъ утвердилъ, и теперь онъ поступилъ на „заключеніе“ Земскихъ Чиновъ. Будущее покажетъ, станеть ли это новое посагателство на финляндскую свободу формальнымъ закономъ; но для своей дѣйствительности оно въ этомъ не нуждается, какъ это показала практика послѣднаго года. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ имѣлъ, напримѣръ, мѣсто такой случай. Одинъ известный финляндецъ, бывшій сенаторъ, проѣздомъ въ сосѣднѣе свое имѣніе остановился въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, где былъ приглашенъ тремя своими приятелями на обѣдь въ клубъ.

Спустя нѣсколько дній городскія власти получаютъ отъ генераль-губернатора посланіе, въ которомъ у нихъ требуютъ дать объясненіе по поводу „демонстративнаго“ обѣда, данного публикою заѣзжему гостю.

Но особыннмъ гоненіямъ Бобрикова подверглась журнальная литература. Прессы въ Финляндіи, какъ и во всякой другой культурной странѣ, имѣеть большое общественное значеніе, и естественно, что она сдѣлалась предметомъ нападокъ со стороны генераль-губернатора. Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, въ Финляндіи въ началѣ 1899 года выходило больше 200 periodическихъ изданій, изъ коихъ лишь 70 носили политический характеръ, а остальная представляли журналы для семейного чтенія, для самообразованія и проч. Но такіе размѣры прессы нисколько не смущили Бобрикова, тѣмъ болѣе, что онъ могъ действовать, повидимому, на законномъ основаніи. Финляндская пресса никогда не была вполнѣ свободною: она всегда подлежала предварительной цензурѣ и могла подвергаться предостереженіямъ и закрытіямъ; но какъ мало сравнительно цензурный уставъ имѣль для нея значенія, видно отчасти изъ самаго роста ея за послѣдніе годы, отчасти изъ того факта, что за все время своего существованія она лишь разъ подверглась тяжелой карѣ, а именно, въ 1891 году, когда было закрыто одинъ журналъ. Однако, съ появлениемъ Бобрикова, а въ особенности со времени изданія февральского манифеста, дѣла сразу приняли иной оборотъ. Предостереженія послѣдовали одно за другимъ, а простоянки, не считая закрытій изданій навсегда, насчитали въ теченіе восьми мѣсяцевъ, съ апрѣля по ноябрь 1899 года, 26 случаевъ, распределенныхъ между 16-тью газетами и составляющихъ въ общей суммѣ срокъ въ 3 $\frac{1}{2}$ года. Города и даже цѣлыя мѣстности часто остаются безъ газетъ, какъ это было, напримѣръ, въ Куопіо, где одна изъ двухъ имѣвшихся тамъ ежедневныхъ газетъ была прикрыта навсегда, а другая была простоянена на четыре мѣсяца. Принималъ во вниманіе, что газеты въ Финляндіи, въ особенности среди крестьянства, составляютъ предметъ насущной необходимости, такъ какъ только изъ нихъ читатели черпаютъ свои свѣдѣнія о различныхъ правительстенныхъ распоряженіяхъ и о тѣхъ или другихъ вопросахъ, касающихся мѣстныхъ интересовъ, можно понять, какимъ тяжелымъ лишеніемъ является для нихъ исчезновеніе

печатного органа. Разумеется, ~~помощи~~ для прекращения газеты постоянно бывали самые незначительные. Единственная газета въ Панго, небольшомъ, но довольно бойкомъ, порту, была закрыта за то, что помѣстила статью о сравнительномъ правовомъ положеніи прессы въ Финляндіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Вообще, кругъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ печати, чрезвычайно суженъ. Вскорѣ послѣ выхода царскаго манифеста Бобриковъ обратился ко всѣмъ цензорамъ съ циркуляромъ, въ которомъ предлагалъ имъ не допускать къ печатанію никакихъ статей, идущихъ въ разрѣшѣ съ буквою и духомъ монаршей воли. Разумѣется, это еще болѣе затруднило положеніе редакторовъ и издателей. Мало того, когда депутатія изъ 15-ти крестьянъ Куопіо явилась къ генеральному губернатору съ просьбою разрѣшить выходъ приостановленныхъ газетъ, онъ имъ откровенно отвѣтилъ, что врядъ ли сможетъ исполнить ихъ просьбу, а если сможетъ, то лишь на томъ условіи, чтобы газеты перестали касаться политическихъ вопросовъ. Въ случаѣ запрещенія какой-нибудь статьи, газеты потеряли даже право сообщать объ этомъ своимъ читателямъ, хотя бы путемъ выставления точекъ или пустыхъ столбцовъ. Послѣдніе должны быть заполнены „обыкновеннымъ текстомъ“, и когда одна небольшая газета пополнила было пробѣлъ біографіей Гуттенберга, цензоръ возвратилъ корректуру зачеркнутую съ резолюціей: „Обыкновенный текстъ! Пожалуйста, безъ демонстрацій“! Точно также воспрещается выпускъ летучихъ листковъ или брошюръ, къ которымъ часто прибѣгали раньше приостановленныя газеты: по распоряженію генераль-губернатора, срокъ приостановки долженъ считаться съ времени появленія послѣдняго листка.

Но помимо этихъ львыхъ мѣръ, Бобриковъ прибѣгалъ къ тайнымъ и потому болѣе зловреднымъ средствамъ. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего удаление изъ цензурного комитета всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ не сочувствовали планамъ генераль-губернатора *). Затѣмъ вводится практика подставныхъ редакторовъ, которая небезызвѣстна и въ самой Россіи: владѣльцу

*). Такой характеръноситъ „выходъ въ отставку“ предсѣдателя цензурного комитета Каяндеръ и замѣщеніе его графомъ Кронгольцомъ, также финляндцемъ, но получившимъ образованіе въ Россіи. Фактическихъ, однако, хозяиномъ прессы является ген. Щицковъ, товарищъ генераль-губернатора.

газеты „предлагается“ удалить прежнего редактора и принять нового; въ противномъ случаѣ ему угрожаютъ простоянкой изданія *). Далѣе, стали перехватывать письма въ редакцію и извращать телеграфныхъ извѣстій; послѣднее дѣло до такихъ размѣровъ, что солдатъ финляндскихъ журналистовъ единодушно рѣшилъ не подписываться болѣе на телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства. Наконецъ, основывается „Финляндская Газета“ на русскомъ, т. е. незнакомомъ публикѣ языке, съ цѣлью противодействовать одностороннему вліянію мѣстной прессы. Такъ какъ въ Финляндіи найти редактора для этого органа было невозможно, то его пришлось выписывать изъ Россіи въ лицѣ г. Баженова, одного изъ сотрудниковъ „Септа“; а такъ какъ газета не могла существовать на свои собственные средства, то, по приказу русскаго правительства, финляндскій сенатъ вынужденъ былъ ассигновать 30 тысячъ марокъ единовременно на устройство типографіи и еще 30 тысячъ въ видѣ ежегодной субсидіи.

Финляндскіе литераторы и журналисты старались защитить себя отъ всѣхъ этихъ крутыхъ мѣръ. Такъ они устроили пенсионный фондъ для пострадавшихъ литераторовъ; попытались даже сорганизовать взаимное общество страхования журналистовъ и собственниковъ газетъ отъ убытковъ, причиняемыхъ цензурными строгостями. Послѣдній проектъ былъ довольно острогумный; но сенатъ, подъ давленіемъ Бобрикова, отказался его утвердить, ссылаясь на то, что осуществленіе его парализовало бы дѣйствіе цензурныхъ каръ, чтѣ было бы разносильно обходу закона. Въ самое послѣднее время въ сеймъ поступила петиція объ улучшеніи правового положенія прессы. „На основаніи высказанныхъ соображеній“, — говорится тамъ между прочимъ, — „разно какъ и желанія каждого гражданина страны видѣть начало свободной печати прочно установленнися, нашимъ первоначальнымъ намѣрѣніемъ было просить сеймъ о внесеніи въ ближайшую сессію специального закона о печати; но такъ какъ настоящій моментъ едва ли удобенъ для представленія подобной петиціи, то мы рѣшили просить лишь о томъ, чтобы земскіе чины присоединились къ всеподданнѣйшей петиціи Его Величеству, прося его с благоволіемъ такъ измѣнить нынѣ дѣйству-

*) Такая участіе, напр., постигла двѣ гельсингфорескія газеты, которыхъ получили приказаніе перемѣнить редакцію въ теченіе двухъ недѣль.

котрій уставъ о застать, чтобы безъ замоинки суда редакторы и собственники газетъ не могли быть лишены престаню или навсегда, своихъ средствъ изъ жизни" (*).

Для успешнаго проведенія всевозможнѣхъ сурожихъ изврѣній, очевидно, необходимо было начать съ измѣненія состава служебнаго персонала въ различныхъ учрежденіяхъ Финляндіи. Сюда относится, прежде всего, назначеніе Плeve на постъ министра-секретаря. Но финляндской конституціи, все административные посты, кроме генераль-губернаторскаго, должны быть заняты чужеземцами, и должность министра-секретаря, являющаяся должностю и посредникомъ между финансами представительными учрежденіями и царемъ, не составляетъ исключения. Извѣльно тѣть она оставалась пустынной, и ее временно исполнялъ товарищъ министра-секретаря ген. Прокопе. Естественно было ожидать, что она, наконецъ, замѣтить ее въ дѣйствительности; но царь рѣшилъ иначе: Прокопе обвинили на постъ назначенъ бытъ известный финнофобъ Плeve, состоявший членомъ той самой комиссіи, которая выработала февральский манифестъ. Этимъ было нарушенъ одинъ изъ важнейшихъ параграфовъ финского государственного уложения. Прокопе вышелъ изъ отставки, и его мѣсто занялъ графъ Арифельдъ, тоже русофиль.

Къ этой же категоріи относятся и инциденты съ Вольфомъ, о которомъ мы уже упоминали, хотя непосредственно дѣйствующими лицомъ явилось въ данномъ дѣлѣ британское правительство. Какъ сказано было, г. Вольфъ состоялъ британскимъ консуломъ тринадцать лѣтъ и за все время ни разу не подалъ ни малѣшаго повода къ неудовольствію въ Петербургѣ. Но вотъ, 14 сентября онъ получаетъ отъ генерального консула г. Митчелля слѣдующее заявление отъ британскаго посла сэра Чарльза Смита: "Генераль-губернаторъ Финляндіи обратилъ вниманіе императорскаго правительства на дѣйствіе г. Вольфа, британскаго

*) Вотъ что, между прочимъ, пишетъ корреспондентъ "Daily Chronicle" для характеристики отношений Финляндской публики къ гонениямъ на ея прессу: "Я приводѣю изъ при демонстраціи, яромъ-шведѣй, передъ зданиемъ "Raivaleeti", одной изъ прекраснѣйшихъ газетъ. На улицѣ собралась большая толпа, пѣвческие хоры Гансенгфорексѣ были поздоровьи гимны и прѣчили "ура" редактору. Толпа вела себя такъ, какъ не одна другая, которую, я, когда-либо видѣлъ; и присутствующая тутъ же многочисленная жандармерия не имѣла ни малѣшайшей возможности кого-либо арестовать. Поздѣе, нѣсколько сотъ человѣковъ собрались около статуи Рунеберга, поэта-патріота Финляндіи, и съ открытыми головами пропѣли свой народный гимнъ."

вице-консула въ Вильбургѣ, который обвиняется темъ: Вобриковымъ въ томъ, что онъ участвуетъ въ политической агитации Великаго Княжества и критикуетъ въ публичныхъ рѣчахъ постыдки императорскаго правительства. Это, продолжаетъ посолъ, не совмѣстимо съ званіемъ представителя британскаго королевства, а потому генеральному консулу, по приказанию лорда Сольсбери, поручается потребовать отъ г. Вольфа объясненія.

Черезъ два дня Вольфъ отправилъ свои объясненія. „Имѣю честь заявитьъ“, говоритьъ онъ въ своемъ письмѣ, „что въ странѣ не происходитъ никакой агитации, и я поэтому категорически отрицаю свое участіе въ несуществующемъ движении. Правда, что во всей странѣ, во всѣхъ классахъ общества существуетъ чувство беспокойства и скорби, вызванное февральскимъ манифестомъ... Но это чувство не есть плодъ агитации. Нѣть надобности въ такой агитации тамъ, где каждый вознosiетъ свои права и льготы и понимаетъ, что манифестъ разносителъ отмѣнѣ унаследованной конституціи... Но если единодушный убѣжденія цѣлаго народа и его ежедневно повторяющейся протестъ противъ нарушения его конституціи—этого краеугольного камня его соціалитета зданія—составляютъ политическую агитацию, то каждый членъ въ этой странѣ является агитаторомъ и будетъ продолжать быть таковымъ, покуда манифестъ послужившій причиной возбужденій, не будетъ отмѣненъ“. Объяснивъ затѣмъ, въ чёмъ заключалось его участіе въ движении, онъ бѣль въ отсутствіе свое выбралъ выборскимъ представителемъ въ депутациѣ 500—Вольфъ заканчиваетъ: „Я позволю себѣ почтительнѣше указать на то, что, беря на себя честь консульской должности Великобританіи, я тѣмъ самымъ не отказывался отъ своихъ правъ и обязанностей гражданина моей страны. Если исполненіе моихъ обязанностей не совмѣстимо съ моимъ положеніемъ британскаго вице-консула; то я имѣю честь вернуть эту должностъ, которую я занимала 18 лѣтъ, въ распоряженіе правительства Ея Величества.“

Какъ это ни странно, но въ тотъ самый день, когда Вольфъ отправилъ это письмо, и еще до того, какъ оно успѣло прибыть въ Петербургъ, онъ получилъ телеграмму отъ Митчелля, въ которой послѣдний извѣщаетъ его, что „его отставка прината“! Г. Вольфъ на слѣдующий день отвѣтилъ: „Наша телеграмма стъ извѣстіемъ, что моя отставка прината еще до того, какъ я

ее подать, и до того, какъ дошли до Васъ моя объясненія по поводу обвиненія въ политической агитации, возведенного на меня ген. Бобриковымъ, была доставлена мною вчера угроза. Я вполнѣ оцѣниваю этотъ деликатный поступокъ моей тридцатилѣтней консульской службы и теперь жду Вашихъ инструкцій относительно того, кому передать должность."

Этотъ инцидентъ вызвалъ юную бурю. Немедленно остальные 12 британскихъ лице-консуловъ, принадлежащие къ финской національности, подали въ отставку, мотивируя свой поступокъ политическими единомысліемъ съ г. Вольфомъ, и послѣдній, послѣ ряда публичныхъ манифестаций, былъ единодушно избранъ выборскимъ представителемъ на сеймъ 1900 г. На его мѣсто, въ качествѣ консула, былъ, говорить, назначенъ, за отсутствіемъ кандидатовъ изъ финновъ, некто Аинековъ, бывшій цензоръ по русской и французской литературѣ въ С.-Петербургѣ. „Каждый честный англичанинъ“, говорить по этому поводу „Вестминстерская Газета“, „долженъ почувствовать стыдъ и негодованіе“.

Дальнѣйшія мѣры въ дѣлѣ удаленія финскихъ элементовъ изъ служебного персонала направились противъ губернаторовъ. Бобриковъ при всякомъ случаѣ давалъ имъ понять, что ихъ отставка была бы очень желательна. „Московскія Вѣдомости“ прямо заявили, что ихъ слѣдуетъ замѣнить кореннымъ русскими, „за невозможностью найти среди финновъ лицъ, готовыхъ приводить въ исполненіе преднаучертанія высшаго правительства“. Де сихъ поръ, однако, ничего не удалось сдѣлать въ этомъ направленіи, кроме какъ уволить выборскаго губернатора ген. Грипенберга за то, что тотъ разоблачилъ тайны адреса за семью подложными подписями, которыя Бобриковъ думалъ представить въ противорѣчье упомянутому выше массовому адресу.

Укажемъ еще на нѣсколько мѣропріятій Бобрикова въ другихъ областяхъ. Такъ, въ сферѣ образования мы имѣемъ попытку побудить на цадіональный характеръ Гельсингфорсскаго университета въ видѣ назначения Пиеве на постъ канцлера, чѣмъ противорѣчить существовавшему до сихъ поръ, обычью, въ силу котораго nominalнымъ канцлеромъ состоялъ всегда наследный Великій Князь, а фактическимъ какой-нибудь финнъ. Дѣлѣ, удаляемъ на проекція реорганизаціи финляндскаго Фридрихсгам-

скаго кадетскаго корпуса, извѣстный читателямъ изъ русскихъ газетъ. По проекту, этотъ кадетскій корпусъ подчиняется главному управлению военно-учебныхъ заведеній и, какъ высшей инстанціи, военному министру; непосредственное же наблюденіе и руководство возлагается на обязанность генераль-губернатора. Въ немъ вводится преподаваніе на русскомъ языке (впрочемъ, какъ временная мѣра, если окажется необходимымъ, будетъ допущенъ и финскій языкъ). Въ этомъ корпусѣ предполагаются только общіе классы, такъ что специальное военное образованіе придется получать въ одномъ изъ военныхъ училищъ Россіи. Изъ 200 вакансій половина будетъ предоставлена ученикамъ русскаго происхожденія. По программѣ своей фри-дриксгамскій кадетскій корпусъ будетъ представляться общимъ средне-учебнымъ заведеніемъ принятаго у насъ въ Россіи типа, а слѣдовательно, кореннымъ образомъ отличающимся отъ финляндской средней школы; конечно, онъ скоро порвѣтъ всякую внутреннюю связь со страной, обоснованную на подробномъ изученіи ея исторического прошлаго, культурныхъ задачъ, особенностей народнаго быта и политической организаціи, — и будетъ однимъ изъ факторовъ русификаціи Финляндіи.

Дальнѣйшимъ преобразованіемъ въ томъ же направленіи является отмѣна собственно финляндскихъ почтовыхъ марокъ. Еще въ 1890 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго повода и вопреки точной буквы финляндскаго уложенія, обратился къ финскому сенату съ запиской о томъ, что онъ беретъ на себя право дѣлать время отъ времени вѣкоторыя измѣненія въ почтовыхъ правилахъ Финляндіи. Этотъ совершенно самовольный поступокъ крайне поразилъ тогда финскую публику; но такъ какъ онъ не повѣль за собою никакихъ послѣдствій, тоъ инцидентъ совершенно было забыто. Девять лѣтъ спустя, это министерское распоряженіе снова появилось на свѣтѣ: 9' августа 1899 г. сенатъ былъ извѣщенъ, что съ 1' января будущаго года для заграничной корреспонденціи введены будутъ русскія почтовыя марки, а съ июня — также и для внутренней. Насколько извѣстно, однако, приведеніе этой угрозы въ исполненіе было почему-то отсрочено на время.

Наконецъ, поговариваются уже объ отмѣнѣ специальнаго финляндскаго таможенного тарифа и о слияніи финляндской монетной системы съ русской.

Во второй половине января въ Гельсингфорсе, былъ открыт Сеймъ. Мы не будемъ приводить здесь тройной рѣчи *), ко-торая безъ сомнѣнія известна читателю, изъ русскихъ газетъ. Но мы передадимъ только отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ видѣ отвѣта предсѣдателемъ палаты. Какъ читатель уви-дѣть, они все вращаются около одного и того же наиболѣшаго вопроса о политическомъ будущемъ Финляндіи, и всѣ проми-нуты однимъ и тѣмъ же чувствомъ скорби и лодынности.

Благотворное значение работы, предпринятыхъ правитель-ствомъ и самимъ народомъ черезъ посредство своихъ представи-телей, доказывается прогрессомъ, который можно замѣтить во всѣхъ областяхъ соціальной жизни, стране, отрадныхъ разви-тиемъ народныхъ школъ и другихъ воспитательныхъ учрежденій, равно какъ и путей сообщенія, земледѣлія, торговли и промы-ленности, — развитіемъ, которое при другихъ обстоятельствахъ было бы почти немыслимо. Точно такъ же даучится финскій народъ понимать значение автономіи, въ которой онъ видѣтъ условіе своего существованія и черезъ которую онъ чувствуетъ себя связаннымъ сильнейшими узами благодарности и предан-ности къ высокодоставленными своими покровителями, милостию защищавшими и сохранившими самое драгоцѣнное его сокро-вище — конституцію и оберегавшими свободу, унаследованную отъ предковъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ воспоминаній и чувствъ и съ дол-нымъ сознаніемъ, что финскій народъ ничѣмъ не заслужилъ потерпѣ-торжественно обѣщаныхъ ему правъ, мы отказываемся остав-ить надежду, что черная туча, съ нѣкоторыхъ поръ нависшая надъ дорогой нашей Финляндіей, и возбудившая по всей странѣ сильнейшее беспокойство и ужасъ, когда-нибудь съ Божьей помощью разсѣется.

„Господь“, говоритъ архіепископъ въ падѣлѣ духовенства, „далъ финскому народу страну тысячи озеръ. Здѣсь этотъ народъ

*) Мы однако напомнимъ читателю о заключеніе: „Предстоящая вами работа требуетъ основательнаго практическаго обсужденія предложенныхъ вами вопросовъ. Никакія выраженія мнѣній, выходящія изъ рамокъ этихъ вопросовъ и касающіяся предметовъ обще-государственного значенія, не могутъ быть до-волены. Выраженіе подобныхъ мнѣній на прошломъ чрезвычайномъ сеймѣ внушило умамъ народа серьезныя и неосновательные опасенія. Повтореніе этого темы заставитъ сбѣдѣться, возможна ли при теперешніхъ усѣбахъ законодательство съ участіемъ Земскихъ Чиновъ.“ (Цитируемъ по англійскому тексту.) Какъ читатель увидитъ ниже, Земскіе Чины не остановились передъ этой угрозой.

трудился въ теченіе сотенъ лѣтъ. Въ какиѣ бѣднѣа, какъ и во дворцѣ боязно, ежедневно возынались молитви за пра-вителя и отечество. И Господь даровалъ свое благородовеніе. Финскій народъ развицялся въ тишинѣ и даже понесъ культуру дальше на сѣверъ, чѣмъ какой-либо другой на землѣ.

Народъ Финляндіи считаетъ за особый даръ Господа то, что Александръ I въ началѣ столѣтія подтвердилъ конституцію и законы, соотвѣтствующіе народному характеру и условіямъ страны, тѣмъ, самимъ, признавъ свободу, лежащую въ основѣ этихъ законовъ.

„Свобода издаватъ для себя законы существенно необходимы финскому народу. Въ едо непрерывной борьбѣ съ сѣвернымъ климатомъ одно какое-нибудь узаконеніе, не соотвѣтствующее нуждамъ націи, можетъ распространить разореніе среди земле-дѣльческаго населенія.“

„Въ теченіе вѣковъ“, говорить предсѣдатель палаты горо-жанъ, „считалось неопровергнимъ, что „страна должна быть построена на законѣ“. Святость и ненарушимость закона такъ же крѣпко сидятъ въ сознаніи финскаго народа, какъ и вѣра въ Бога, правящаго судбами людей. Законъ стоять выше всего и долженъ защищать всѣхъ безъ различія. Передъ нимъ должны преклоняться всѣ, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. И, благодаря праву, народа участвовать въ законо-дательствѣ, законъ сросся съ народнымъ сознаніемъ о справед-ливости и стала точимъ еа выражениемъ...“

„Всякій, кто знакомъ съ исторіей и чувствами нашего народа, долженъ знать, что сближеніе съ Россіей шокится на довѣріи, уваженіи и ясномъ пониманіи того, что наиболѣе цѣлено странѣ. Невозможно найти лучшей почвы для союза двухъ націй подъ единимъ и тѣмъ же скриптуромъ.“

„Великія имперіи, какъ и небольшія общини, подются лишь на высокихъ началахъ права и сираведливости. Оттого-всѧкое мѣропріятіе, которое такъ или иначе разрушаетъ основы юго права, на которому зиждется финское государство, и въ осо-бенности, издание или замѣненіе закона иными способомъ, чѣмъ такимъ, какой предписывается конституціей, грешить нарушить спокойное и мирное развитіе страны и, ея довѣріе къ Россіи. Стѣснительный надзоръ надъ лояльными гражданами, никогда не питавшими никакихъ мыслей о беспорядкахъ; усиленіе цен-

зуршаго режима до фактическаго лішення періодичної печати охорани закона; подавленіе освященныхъ временемъ гражданскихъ правъ, которыми никогда не злоупотребили; — всѣ такія мѣры, основанные на недовѣріи или недоразумѣніи и, навѣрное, противорѣчащія милостивымъ намѣреніямъ Его Величества, не могутъ, конечно, возбудить ни сочувствія, ни довѣрія. Такая политика можетъ спорѣ развязывать, чѣмъ сказывать.

„Съ тажелымъ сердцемъ финскій народъ прожилъ истекшій годъ, полный различныхъ ожиданій, и палата горожанъ сочла своимъ долгомъ вѣристи монарху передать мнѣніе страны, увѣренная, что выраженіе довѣрія, правды и покорности законамъ всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ одобрение Его Величества.“

„Палата крестьянъ“, говорить ея предсѣдатель, „стоящая наиболѣе близко къ той части населенія, въ материальныхъ и духовныхъ условіяхъ которой больше всего существуетъ проблѣловъ, взяла на себя въ прошломъ году на чрезвычайномъ сеймѣ, вмѣстѣ съ другими сословіями, двойную тягость воинской повинности, окончательное разрѣшеніе вопроса о которой нынѣ ожидается націей съ беспокойствомъ. Палата крестьянъ взяла на себя это тажелое бремя въ увѣренности, что свободная конституція останется попрежнему въ силѣ, и что собранія Земскихъ Чиновъ черезъ небольшіе промежутки будутъ продолжать развивать наши экономические ресурсы, чтобы мы могли чести воинскую тяготу. Эта увѣренность покоялась на томъ фактѣ, что нашъ милостивый монархъ самъ заявилъ, что всѣ народы подъ его властью должны быть предметомъ его заботы.“

„Вѣрность Финляндіи своему Государю и Имперіи, съ которой она соединена, никогда не была нарушена. Исторія записала на своихъ сирикальяхъ формахъ, обеспечивши наше индивидуальность, — формы, которыя Финляндія считаетъ священнымъ краеугольнымъ камнемъ своего соціального и политического зданія...“

„Въ отвѣтъ на эти рѣчи царь, согласно иностранной прессѣ, въ реєстришъ на имя генерал-губернатора предложилъ єму принять энергическія мѣры въ выясненію передъ Земскими Чинами истинного смысла мѣропріятій, расчитанныхъ на укрѣпленіе узъ, которыя соединяютъ Имперію съ Великимъ Княжествомъ“.

Для финского народа, такимъ образомъ, остается мало надежды на лучшее будущее. Предвидя печальный конецъ, многие уже заранѣе покидаютъ свою родину. Отъ рекрутскихъ наборовъ въ 1899 г. эмигрировало болѣе 16 тысячъ молодыхъ людей, т. е. столько же, сколько въ пятилѣтіе 1893—1898 г., и въ нѣкоторихъ деревняхъ не осталось уже ни одного кандидата въ рекруты. Поговариваютъ даже о массовомъ выселеніи въ Канаду съ цѣлью основать Новую Финляндию и комиссаръ тамошняго правительства уже прѣѣзжалъ въ Англію уставливаться съ пароходными обществами насчетъ пониженныхъ провозныхъ тарифовъ.

Всѣ вышеописанные события представляютъ, по словамъ Times'a*), „яркий примѣръ столкновенія между правомъ и силой. Независимое конституціонное положеніе Великаго Княжества Финляндскаго виѣ всякаго спора. Когда эта страна была оторвана въ 1809 г. отъ Швеціи и присоединена къ русской имперіи, то по многимъ причинамъ считалось необходимымъ дать ей самоуправление, и Императоръ Александръ I особенно заботился о ея мирномъ развитіи. За послѣдніе годы не произошло ничего такого, что оправдывало бы отнятіе или хотя бы ограниченіе привилегій, дарованныхъ финляндцамъ царями. Финляндія не переставала быть лояльной, и русское правительство не разъ воздавало должное ея мирному процвѣтанію. Она охотно и регулярно снабжала русскую армію своими солдатами; она уплачивала государственному казначейству свою долю налогъ для обще-государственныхъ расходовъ. Финляндцы въ правѣ спросить, чѣмъ они вызвали новую политику, которая такъ неожиданно разрушила ихъ безвредная мѣстная вольности и конституціонныя гарантіи, подтвержденные всѣми царями со временемъ Александра I, — всѣ тѣ привилегіи, на которыхъ они привыкли смотрѣть, какъ на свое неотъемлемое право.

„Смѣлое отстаиваніе финляндцами своихъ конституціонныхъ правъ, гарантированныхъ торжественнымъ ручательствомъ первого Великаго Князя Финляндіи и подтвержденныхъ нѣсколько разъ его преемниками, не можетъ произвести въ настоящее время никакого вліянія на русскую правительственную бюрократію и въ состояніи встрѣтить лишь презрѣніе съ ея стороны. Трудно ожидать, чтобы неограниченный самодержецъ измѣнилъ самому

*) „Times“, 18 апрѣля 1900 г.

себѣ и почувствовалъ симпатію къ конституціонному государству, входящему въ составъ его, деспотической монархіи. Но все-же этотъ протестъ имѣть нравственную силу, хотя бы нынѣшнимъ финнамъ, виллившимъ въ дружной, единодушной защите своихъ вольностей священный долгъ, и не удалось въ теченіе своей жизни отстоять свое право.“

Извѣстный английскій профессоръ Westlake замѣчаетъ*): „если даръ не возьметъ назадъ своего манифеста, пока Финнансы остаются еще лояльными по отношенію къ своему монарху, всей Европѣ придется увидѣть еще одинъ примѣръ пагубныхъ послѣдствій низверженія старинной конституціи и попытки основать новый порядокъ на штикахъ. Всѣ знаютъ, какъ опасны такие эксперименты.“

„Мы не понимаемъ той государственной мудрости“, говорить финландская газета „Nya Pressen“**), „когда старается создать у самыхъ воротъ русской столицы, вмѣсто процветающей Финляндіи, девольной и благодарной за свой жребій, опустошенную провинцію, где чувство ненависти и озабоченія горло бы въ сердцахъ населенія. Такой государственной мудрости мы не понимаемъ: исторія учитъ насъ, что преступленія народовъ, точно такъ же какъ и отдельныхъ лицъ, взымываются на вѣсахъ вѣчного правосудія, и что каждая несправедливость сильнаго по отношенію къ слабому влечетъ за собой, какъ свое послѣдствіе, кару въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.“

*) Въ статьѣ „The Case of Finland“, помещенной въ журнале „The National Review“, въ мартѣ 1900 г.

**) „Nya Pressen“, № 292, 27 октября 1898 г.

ПО ПОВОДУ ФИНЛЯНДСКАГО РАЗГРОМА.

Какъ читатель могъ замѣтить, сообщенные въ настоящей брошюре событія освѣщены съ самой умѣренной точки зрѣнія, раздѣляемой всѣми, кто, хотя и признаетъ авторитетъ государственного начала, въ то же время требуетъ со стороны государственной власти примѣненія нѣкоторыхъ элементарныхъ, шихъ нравственныхъ принциповъ правдивости, добросовѣстности, вѣрности данному слову и т. д. Разница между этимъ взглядомъ и тѣмъ, котораго придерживается русское самодержавіе, заключается въ томъ, что послѣднее считаетъ себя въ правѣ не только безконтрольно распоряжаться судьбами русского народа, но и столь же своевольно ходить въ области общечеловѣческихъ чисто нравственныхъ понятій, превращая, когда это представляется нужнымъ въ государственныхъ интересахъ, по высочайшему повелѣнію, обманъ въ истину, вѣроломство въ честность, клятвопреступленіе въ благоговѣйное исполненіе „заѣщанныхъ державныхъ преднарѣтаний“ и т. д.

Съ своей стороны мы не считаемъ нужнымъ ничего прибавить къ уже сказанному въ смыслѣ оценки описанныхъ здѣсь событій, принимая въ соображеніе, что, если даже при взглядахъ, болѣе умѣренныхъ, нежели наши, такія дѣйствія русскаго правительства признаются незаконными и безчестными, то掌ъ нѣть никакой надобности доказывать до же самое съ нашей точки зрѣнія, болѣе радикальной и потому убѣдительной для менѣшаго числа нашихъ читателей.

Но зато, присутствуя при этихъ возмутительныхъ событіяхъ, мы невольно себя спрашиваемъ, не налагаетъ ли на насъ самихъ каждое подобное новое преступленіе русскаго правительства какихъ-либо нравственныхъ обязательствъ, не достаточно еще ясно нами создаваемыхъ? Что русское правительство поступаетъ съ Финляндией вѣроломно и подло, въ этомъ, разумѣется, могутъ усомниться развѣ только пропитанные понятіями азіатскихъ сатраповъ наши генералы и чиновники. Но вѣдь, поступая такъ, оно только остается ~~вѣрными~~ самому себѣ, и ничего другого нельзѧ было отъ него ожидать. Для насъ, въ этомъ случаѣ, вопросъ вовсе не исчерпывается обличеніемъ лишній разъ гнилого учрежденія, почти всѣ проявленія котораго намъ,

къ сожалѣнію, постоянно приходится осуждать. Гораздо важнѣе для насъ вопросъ о томъ, не дѣлаетъ ли нась нашъ собственный образъ жизни такъ или иначе солидарными съ тѣмъ самыемъ правительствомъ, которое мы беззаботно бранимъ, какъ нѣчто совершенно отъ насъ обособленное?

И въ самомъ дѣлѣ, если русская государственная власть имѣть возможность совершать всѣ тѣ безобразія, которыхъ нась такъ возмушаютъ, то это единственно благодаря поддержкѣ, оказываемой ей окутанными душевинами мракомъ народными массами, и разнодушію эгоистически оберегающаго свое привилѣгированное положеніе образованнаго общества. Если бы не было этой глупой поддержки съ одной стороны и этого постыднаго разнодушія съ другой, то правительству, волей-неволей, пришлось бы видоизмѣнить свой режимъ, приспособляясь къ требованіямъ народа и общества.

А потому, откладывая въ сторону всякое самолюбие, мы, по справедливости, вынуждены признать, что наша собственная доля нравственной ответственности во всей вообще дѣятельности русского правительства, дѣйствительно, гораздо значительнѣе, нежели мы привыкли думать или склонны допустить.

Что же касается, въ частности, виновнаго преступленія, совершающаго передъ нами русскимъ правительствомъ надъ финскимъ народомъ, то нась остается только со смиреніемъ и стыдомъ сознаться въ томъ громадномъ разстояніи, которое нась еще предстоитъ пройти по пути прогресса, раньше чѣмъ сліяніе съ судбою нашей родины участія опередившихъ нась на этомъ пути народностей можетъ перестать бить для нихъ чѣмъ-либо инымъ, нежели величайшимъ бѣдствіемъ и проклятіемъ.

Отъ насъ самихъ, и отъ насъ однихъ зависитъ измѣнить это положеніе вещей.

B. Черткѣвъ.

Purleigh, 22 мая 1900 г. н. с.

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Maldon, Essex, England.

	Цѣна:
	Р. К.
1. Напрасная Жестокость. В. Черткова. (Распродано) —	20
2. Голосъ Древней Церкви. И. Трепубова. „ —	12
3. Помогите! Обращеніе къ обществу. П. Бирюкова, И. Трепубова и В. Черткова. —	12
4. Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. П. Бирюкова и В. Черткова. —	20
5. Письма Петра Васильевича Ольховика. —	40
6. Какъ читать Евангелие, и въ чемъ его сущность? Л. Толстою. —	12
7. Приближеніе Конца. <i>Ею же.</i> —	12
8. Объ отношеніи къ государству. <i>Ею же.</i> —	20
9. Царство Божіе внутри васъ. <i>Ею же.</i> 1 —	—
10. Христіансное ученіе. <i>Ею же.</i> —	50
11. Гдѣ братъ твой? В. Черткова. —	20
12. Голодъ или не голодъ? Л. Толстою. —	10
13. Мой отказъ отъ военной службы. А. Шкарская. —	75
14. Свободное Слово, № 1. Периодический сборникъ подъ редакціей П. Бирюкова. 1 —	—
15. Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей В. Черткова. —	20
16. Листки Свободнаго Слова, № 2. —	20
17. Жизнь и смерть Е. Н. Дронихина. Составилъ Е. Поповъ, съ постсклоніемъ Л. Толстою. —	75
18. Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. — Дорого стоитъ. Л. Толстою. —	20
19. Свободное Слово, № 2. —	1 —
20. Листки Свободнаго Слова, № 3. —	40

21.	Воскресение. Романъ Л. Н. Толстою.	
	Первое издание. Три части. (Распродано)	3 —
	Второе издание. Въ одномъ томѣ. (Распродано)	2 —
	Третье издание. Въ одномъ томѣ.	1 25
	Четвертое издание. Съ иллюстрациями.	4 —
	Пятое издание. Въ одномъ томѣ.	1 50
22.	Листки Свободнаго Слова, № 4. "Стыдно". Л. Толстою.	5
23.	Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. Л. Толстою.	5
24.	Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифестаці- яхъ въ пользу мира.	15
25.	Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена.	5
26.	Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	30
27.	Листки Свободнаго Слова, № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	30
28.	О сожженіи оружія. Рассказъ Н. Зибара.	30
29.	Студенческое движение 1899 г. Сборникъ, подъ редакціей А. и В. Черткова.	40
30.	Листки Свободнаго Слова, № 10. По поводу студен- ческаго движения. В. Чертковъ.	10
31.	Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевъ видѣлъ Толстого. Свѣдѣнія о немъ, и открытия, наслѣд- ство его писаній.	15
32.	Листки Свободнаго Слова, № 12. Две письма Л. Н. Толстого.	5
33.	Листки Свободнаго Слова, № 13. Правитель- ственныя дасылки въ Острогожскихъ губерніяхъ.	10
	Рижскіе беспорядки въ маѣ 1899 года.	30
34.	Жизнь и ученіе Иисуса. Л. Н. Толстого.	20

Г О Т О В Я Т С Я КЪ П Е Ч А Т И.

Листки Свободнаго Слова № 15. Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова*.

Изъ современной жизни въ Россіи.

Свободное Слово. № 3. Повременный сборникъ подъ редакціей *П. Бирюкова* (Изданіе Швейцарского отдѣла).

Краткое изложение Евангелия. *Л. Н. Толстого.* Съ примѣчаніями его же.

Свободное Слово. № 4. Повременный сборникъ подъ редакціей *В. Черткова* (изъ събранныхъ въ Россіи).

Въ содержаніе его войдутъ слѣдующія статьи:

Мысли о Богѣ. Л. Н. Толстого. — Записки о Шлиссельбургской крѣпости. Л. Волкенштейнъ (доставленныя въ редакцію авторомъ). — Обращеніе къ болѣему. Н. Ермоловъ — Практическое приложеніе ученія Христа. Дж. Бенворти. — О воспитаніи дѣтей. Письма Л. Н. Толстого и другихъ лицъ по этому вопросу. — Изложеніе ученій Будды по книгѣ "The Soul of a Buddha" Фильдинга. — Христіанскій анахизмъ. Моррисона Дэвидсона. — Объ отношеніяхъ къ библіи. Ж. П. Генриха. — Биографія и др. статьи.

Англо-русский разговорный словарь, примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ.

Ткачи. Драма *Г. Гауптмана.* (Новый, полный переводъ съ немецкаго).

Погищеніе дѣтей Хилковыхъ. Свѣдѣнія, собранныя *В. Чериковымъ*.

Содѣржаніе: Предисловіе отъ редакціи. — Предисловіе къ неизданной книгѣ В. Ч. — Записки Д. А. Хилкова (автобиографія). — Письма о погищеніи дѣтей: 1. Письмо Д. А. Хилкова. 2. Письма матери дѣтей изъ Петербурга: О свиданіи съ генераломъ Рихтеромъ. — О свиданіи съ дѣтьми. — Письмо къ генералу Рихтеру. — Четыре письма матери о своихъ дѣтяхъ. (Характеры и воспитаніе ихъ).

Библія и ея происхожденіе. *Сандерланда.* Переводъ съ англійскаго.

Популярное изложение новѣйшихъ научныхъ исследованій о происхожденіи священныхъ книгъ.

Въ виду значительного объема книга будетъ выходить выпусками.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Русское правительство въ Финляндіи, <i>I. Н. Рейтера</i> .	3
Царская политика въ Финляндіи, <i>Нисбетъ Бэна</i> .	20
Финляндія и царь, <i>Эдуарда Вестермарка</i> .	31
Послѣдствія царскаго манифеста.	
Массовой адресъ и судьба его.	36
Международная депутація.	45
Работы финляндскаго сейма по пересмотру Устава о войнской повинности.	51
Руссификаторская дѣятельность ген. Бобри- кова.	59
По поводу финляндскаго разгрома, <i>В. Черткова</i> .	75

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

~~NOV 7 '55 A~~

STALL STUDY
CANCELLED

